

Камилла Рэй

Бизнес-попаданки

Дракон на десерт

18+

Камилла Рэй

Дракон на десерт

«Автор»

2026

Рэй К.

Дракон на десерт / К. Рэй — «Автор», 2026

Она — кондитер-попаданец с магией в кончиках пальцев. Он — дракон-следователь, который должен её поймать. Судьба — злобная шутница, которая свела их вместе. Когда Тамара из мира без магии открывает глаза в теле воровки Мирабеллы, её проблемы измеряются не в граммах, а в тоннах. Во-первых, за ней уже охотится грозный лорд Томас. Во-вторых, её обвиняют в краже артефакта, способного потрясти империю. В-третьих, её новые союзники — болтливый полу-эльф Клод и говорящий кот-зануда Босс — больше похожи на комичное трио неудачников, чем на команду спасения. А самое неудобное — дракон-следователь заявляет, что она его Истинная Конфетка. И теперь он разрывается между желанием посадить её в самую глубокую темницу и унести в своё логово навсегда. Выход один: открыть кондитерскую «Сладкая Наглость» и доказать всем, что её волшебные эклеры опаснее драконьего пламени, а любовь — самый непредсказуемый десерт в меню. От автора: +18 (кекса нет, но есть котик Босс, любящий ругаться и валерьянку)

© Рэй К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	48
Г	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Камилла Рэй

Дракон на десерт

Глава 1

Нечем дышать! Я пыталась двигаться, но тело не слушалось, будто я плыла в густом сиропе. Полная, оглушающая тишина. И вдруг резкий хлопок, будто лопнул воздушный шар размером с небо. И на эту тишину обрушился рёв.

Он исходил со всех сторон, из самой земли и воздуха, чудовищный, от которого стыла кровь. Я даже не могла представить, какое существо может издавать такой звук. Я знала только, что я несусь, а на меня обрушивается сильнейший ливень. Телом я, правда, не могла управлять, но вот сбоку и сзади меня обжигало — будто дикое, разъярённое животное дышало мне в спину, изрыгая невидимое пламя.

«Что происходит? Что происходит?!» — паника, острая и беззубая, скреблась в мозгу. Я только что готовила торт! Заказ для именинницы! Я была счастлива, я танцевала на кухне под латинскую музыку, потому что дела наконец-то пошли в гору. Я вышла из минуса, подала на развод с тем, кто меня предал, вырвалась из замкнутого круга обид... И вот я здесь. Где «здесь»?!

Рёв повторился, ближе, громче. Если бы я управляла этим телом, я бы вжалась в землю и свернулась калачиком. Даже капли дождя, падавшие на кожу, казались обжигающе горячими. Я бежала, подскользываясь, и вдруг заметила, что мои руки блестят. Будто их усыпали мельчайшими бриллиантами, крошечными частицами драгоценных камней. Красиво, нелепо и абсолютно не к месту.

Хлопок. Тишина обрушилась снова, и в тот же миг я получила тело.

Ощущение было сродни удару током: сначала будто миллион игл пронзили кожу, а в следующую секунду на меня обрушилось всё сразу — холод и жар одновременно, грязь, запах сырой земли и прелой листвы, лязг чужих воспоминаний в висках. Они накатывали, смешиваясь с моими, и я закричала — хрипло, не своим голосом. От неожиданности ноги подкосились, и я рухнула лицом в жижу.

Грязь. Всё вокруг было залито водой и глиной, но вдалеке угадывались смутные очертания построек, похожих на сараи, и что-то, напоминающее забор. Пока я отплевывалась, прямо над моей головой, с шипением, рассекающей воздух, пронёсся ослепительный столп огня. Жар опалил спину сквозь мокрую ткань, и я вскрикнула от боли, рефлекторно перекатившись набок.

И увидела.

Прямо передо мной, с оглушительным гулом, пикировал огромный коричневый дракон. Его глаза, размером с мой старый кухонный миксер, были серо-коричневого цвета. Он распах-

нул пасть, обнажив ряды кинжалообразных зубов, и из его глотки вырвался новый, уже в упор, ужасающий рёв.

Я резко вдохнула... и поняла, что не могу выдохнуть. А когда увидела, как глубоко в его глотке вновь забушевало багровое зарево, выдох всё же нашёлся. Я закричала. Не просто вскрикнула, а издала такой отчаянный, пронзительный визг, от которого дракон аж захлопнул пасть, словно удивлённый. Потом он в ярости занёс лапу — огромную, с когтями, каждый из которых был с мою руку. Было чёткое ощущение, что он хочет просто шлёпнуть меня, как назойливую муху.

Но в следующее мгновение он... замер. Широко вдохнул, ноздри задрожали, втягивая воздух. Потом выдохнул струёй пара и придвинул свою морду так близко, что я различила каждую чешуйку на его носу. В его глазах бушевала буря — недоумение, дикая злоба и что-то ещё, чего я понять не могла.

А я... а я могла только мелко-мелко дрожать и смотреть на этот ужас. Тело онемело от страха.

Дракон ещё раз шумно втянул воздух, явно улавливая мой запах. Его глаза сузились до опасных щелочек. Он ещё на сантиметр приблизил морду, и я увидела, как в глубине его глотки снова зарождается огонь.

И тут случилось оно. Адреналин. Не волна, а целый цунами, который ударил мне в сердце, выжег весь страх и оставил только животное, слепое желание жить.

Мои пальцы, всё ещё сжатые в кулаки, нащупали под собой вязкую глину. Без мысли, на чистейшем рефлекс, я рванула руки вперёд и изо всех сил шлёпнула двумя комками жирной, мокрой грязи ему прямо в оба глаза.

Попала чётко.

Дракон взревел, но не яростно, а с явным недоумением и болью. Он замотал головой, пытаясь стряхнуть липкую жижу. В его рывках была такая мощь, что земля содрогнулась.

А я в этот момент уже неслась прочь. Куда глаза глядят. Вернее, куда ноги несут. Главное, что подальше от этого внезапно ослеплённого, крайне раздражённого и, судя по всему, теперь ещё и лично мной оскорблённого, воплощения сказочного кошмара.

«Конфетка, моя истинная конфетка, — пронеслось в голове обрывком чужой мысли, пока я прыгала по лужам. — Он назвал меня... конфеткой? И, кажется, собирался не съесть, а... унести? Нет, спасибо! Мой девиз: «Самовывоз отменяется!», особенно когда вывозит дракон!»

Последнее, что я успела услышать, прежде чем ветер в ушах заглушил все, был его голос. Низкий, звенящий от ярости, он преследовал меня, будто физическая сила, настигая даже сквозь грохот собственного сердца:

— Моя истинная... конфетка, я найду тебя! И заставлю говорить. Ты мне всё расскажешь про своих поделщиков и где спрятана Императорская Диадема Жизни!.. А не скажешь... постель поможет. Будешь молить о пощаде, моя сладость!

От одной этой угрозы, озвученной с таким сладострастным ужасом, по спине пробежали мурашки, не хуже, чем от его огня. Моя сладость. Конфетка. Да уж, после таких эпитетов хочется немедленно переименоваться в «Солёный Огурец» или «Горький Перец». И кто этот император, и что за диадема? Ясно одно: меня с кем-то ужасно перепутали, и этот «кто-то» явно натворил дел.

Я неслась в шоке, не понимая, кто со мной говорит. Но ноги несли сами, будто в это тело была заложена мышечная память, карта побега. На адреналине я даже не задумалась рассмотреть окрестности как следует. Мокрые стены, кривые черепичные крыши, мостовые из грубого булыжника — всё мелькало смазанным пятном. Я петляла по каким-то узким, немощёным улочкам и грязным переулкам, где пахло дымом, сыростью и чем-то пряным, пока небо не начало густеть, окрашиваясь в ночные цвета. Дождь, к слову, не унимался ни на секунду, превратив мир в холодную, мокрую кашу.

Наконец, я рванула в особенно тёмный переулок, где тень от высоких стен почти поглощала остатки минимального лунного света. И тут тело сработало на автомате: три точных, почти кошачьих прыжка — от выступа на стене к водостоку, с толчка на карниз — и я, к своему же изумлению, влетела в приоткрытое окно на втором этаже какого-то мрачного здания.

Внутри пахло пылью, старой древесиной и затхлостью. Полная темнота. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет через горло. Я, шатаясь, откинулась от окна, захлопнула его на скрипящую защёлку и, наконец, позволила ногам подкоситься.

Бессилие накрыло меня резко, как одеяло темноты. Я сползла по стене на пол, обхватив колени дрожащими руками. В ушах ещё стоял тот чудовищный рёв и слова, от которых мороз по коже: «...постель поможет... будешь молить о пощаде...»

«Отлично, Тамара, — прошептала я в темноту, пытаясь унять дрожь. — Бегство от огнедышащего маньяка успешно завершено. Место назначения: заброшенная комната с призраками, вероятно. План на вечер: не умереть от переохлаждения в мокром платье и плаще из сна и не сойти с ума. И, кажется, я только что вписала себя в чей-то очень, очень опасный криминальный сюжет. С диадемой».

Где-то вдали, сквозь шум дождя, донёсся ещё один отдалённый, яростный рёв. Ближе, чем хотелось бы, но меня уже накрывала темнота забытья. Тело дало команду на отдых, а я не стала сопротивляться. Я все решу позже, только на минутку закрою глаза.

Глава 2

Всё началось просто. В тот самый день я проснулась с кристально чистым пониманием: я больше не хочу. Не хочу открывать соцсети, чтобы проверять бывшего мужа. Не хочу высматривать у него новые фотографии и ждать сообщений, которые уже никогда не придут.

Он изменил мне, но по какой-то извращённой привычке души мне всё ещё хотелось, чтобы он каялся. Каялся постоянно, громко и прилюдно. Голова понимала: я не хочу быть с ним. Он всегда высмеивал мою мечту о кондитерском деле, твердил, что это не прибыльно, что у меня ничего не получится.

А сегодня был тот самый день. День, когда я вышла в прибыль. Не просто в ноль — в плюс! Несколько заказов каждый день, и клиенты соглашались на мои цены, не торгуясь, потому что видели мои работы.

Поэтому я встала с утра счастливая, довольная. Достала заготовки, привела в порядок себя и кухню и принялась за дело. Я танцевала, напевала. Всё спорилось в руках. Я успевала отвечать новым клиентам в соцсетях. Я была на вершине мира и даже не заметила момента, когда этот мир закончился.

Вот я вывожу элегантную надпись кремом на торте... а вот я уже непонятно где. Совершенно непонятно как. Переход был настолько резким, что мозг просто отказался его обрабатывать.

— Мира. Мирабелла. Очнись, белочка, — сквозь сон донёсся странный мужской голос. Низкий, с лёгкой хрипотцой, будто мурлыкающий.

Кто-то мягко и аккуратно ткнулся мордой мне в щёку. Потом начал настойчиво вылизывать нос.

Мне стало щекотно, и я, ещё не проснувшись, улыбнулась. А в следующую секунду — встрепенулась. Котов у меня дома не было. Был любимый сфинкс, но пушистый, и его забрал бывший муж. Я даже строила планы по его похищению — да, я именно такая. Но планы — это не реальность.

Пушистая мордочка снова ткнулась в моё явно испачканное лицо. Я открыла глаза, отстраняясь. Значит, я вырубилась, лёжа на полу — щека теперь ныла. Я проморгалась, и зрение медленно сфокусировалось на существе передо мной.

Это был... очень странный кот.

Я села, осознавая странность собственного состояния. А во что я одета? И что это за кот? Чёрный, но по всей шкурке шли яркие, малинового цвета полосы. Было темновато, но я это разглядела.

— Кисонька, что с тобой? Кто тебя так выкрасил? — удивилась я своему же новому, мелодичному и совершенно незнакомому голосу. Рука сама потянулась погладить его.

Кот резко отстранился, выпучив огромные рыжие глаза.

— Что с тобой не так? Кто ты? — отчётливо, с недоумением произнёс он.

Я застыла, рука повисла в воздухе. Мой мозг, уже перегруженный сменой декораций, наконец, обработал информацию. Кот говорит со мной, да и еще на чистом русском.

Медленно, будто в замедленной съёмке, я перевела взгляд на свою протянутую руку, и всё окончательно рухнуло.

Это была не моя рука. Нежная, со светлой, почти фарфоровой кожей, без следов возраста. Мне тридцать пять, и мои руки уже начинали выдавать это. А эта рука принадлежала девушке совсем юной. Единственное, что было знакомо — лёгкие мозоли на ладонках, но и они выглядели иначе. Я сжала ладонь, разжала, наблюдая, как двигаются чужие сухожилия.

И только тогда я опустила взгляд ниже. На странное, мокрое насквозь платье из грубой ткани, на тяжёлый промокший плащ. Всё это выглядело так, будто я сбежала со съёмок какого-то... фэнтезийного фильма при чем явно не детского. Очень низкобюджетного и очень мокрого.

Кот, всё так же недоверчиво смотря на меня, осторожно обнюхал воздух.

— Пахнешь ты как Мирабелла, но... — произнёс он задумчиво. — Но в глазах — сплошное «где я и что это за говорящее чучело?». Интересно.

Я могла только беззвучно шевелить губами, глядя то на него, то на свои новые, незнакомые руки. В голове стучала лишь одна мысль: «Кондитерская... заказы... прибыль... Бывший муж — коту под хвост. Похоже, у меня теперь проблемы иного масштаба. И они пушистые, в полосочку, и очень разговорчивые».

— Да что с тобой такое, Белла? — сказал кот уже с явным беспокойством. Он прыгнул ко мне прямо на колени и уткнулся холодным носом в щеку.

И тут меня накрыло. Окончательно и бесповоротно. Это не моё тело. Со мной разговаривает кот. И это не сон — в снах не бывает такого леденящего, животного ужаса, сжимающего горло.

Я не просто закричала. Я завизжала. Пронзительно, истерично, отчаянно, как резаная — простите за натурализм. Параллельно я инстинктивно швырнула с себя пушистый комок, сама отползая по полу.

«Бесноватое отродье! Говорящее!» — метались в панике мысли. А ещё в голове, как вспышка, всколыхнулись обрывки чужих воспоминаний — грохот, рык, ослепительный столп огня и низкий голос, произносящий что-то о драконе и диадеме.

От этого я завизжала ещё громче.

Кот, которого я отправила в неожиданный полёт, взвыл в ответ. Не по-кошачьи, а именно взвыл — низким, возмущённым мужским голосом.

— Йоу! Ты что, очумела?!

А снизу, из-под пола, донёлся ещё один крик — тонкий, подростковый, перепуганный.
— Белла? Я бегу! Я спасу! А-а-а!

Чьи-то быстрые шаги застучали по лестнице, приближаясь.

Я же, в полнейшей истерике, забилась в самый дальний угол. Там было темно, пахло пылью, паутиной и старостью. Я вжалась в него, пытаясь стать частью стены.

В проёме двери (так это всё-таки была дверь!) возникла фигура. Не подросток, а скорее юноша. Он был худой, в потрёпанной одежде, с невероятно красивым, почти женственным лицом и... заострёнными ушами. Эльф. Или полу-эльф. Мои познания, увы, заканчивались на книжных иллюстрациях.

— Белла, ты что орёшь как резаная? — он тяжело дышал, видимо, вбежал сломя голову.
— Почему ты вся мокрая? И что ты там в углу делаешь?

Он осторожно сделал шаг вперёд. Я в ответ так сильно сжала зубы, что они затрещали. Глаза, наверное, были размером с блюдца.

— Эта дура с катушек съехала! Успокой её, Клод! — проорал откуда-то из-под стула тот самый мяукающий баритон. — Она мне не только шёрстку помяла — она, кажется, рассудок в том задании оставила!

— Белла, ты чего? — юноша по имени Клод поднял руки в знак мира и начал медленно, почти на корточках, приближаться. — Я понимаю, я подставил тебя с этой чёртовой диадемой, я идиот. Я не думал, что лорд-дракон-следователь лично появится. Прости... Он что-то сделал тебе? Так сильно испугал?

Он подходил всё ближе. В полумраке его глаза казались светящимися, и в них читалось искреннее беспокойство. Я наконец сообразила, что нахожусь не на чердаке, а в какой-то полузаброшенной комнате с единственным запylённым окном.

Я не могла говорить. Язык не слушался.

— К-к-то... вы? — наконец выдавила я, трясаясь мелкой дрожью.

Клод замер. Из-под стула выпрыгнул кот. Он отряхнулся с видом оскорблённого достоинства и, сузив жёлтые глаза, внимательно меня обнюхал.

— Клод, — произнёс кот с ледяной, аналитичной ясностью. — Мне кажется, это не Белла. Вернее, тело — нашей Мирабеллы. Но внутри... Внутри явно кто-то другой. И он, судя по запаху паники и глупости, впервые в нашем мире.

Клод сначала посмотрел на кота, потом медленно, с нарастающим ужасом, повернул голову ко мне. Он всмотрелся пристальнее.

— Не может быть... — прошептал он. — Но её поведение... А-а-а, чёрт! Не может!

Потом он резко отпрыгнул от меня, присел к коту, и они начали что-то быстро шептать. Я слышала только обрывки:

«...провал в пространстве? Рыжая ведьма...»

«...а запах-то её, настоящий, остался...»
«...дракон её огнём ...»
« ... могла выпить зелье и перенестись...»

Кот периодически выпучивал глаза и бормотал: «Да ладно? Не может быть... Серьёзно?..»

Наконец, они замолчали и одновременно повернулись ко мне. В их взглядах теперь не было страха или агрессии. Только странная смесь: ошеломлённое понимание и бездонная, вселенская жалость.

Клод тяжело вздохнул и произнёс уже не юношески-истерично, а с неожиданной для его вида взрослой усталостью:

— Так, ладно. Привет, не-Белла. Добро пожаловать в самый дерьмовый день нашей жизни. Похоже, нам нужно серьёзно поговорить. А тебе, видимо, нужно сесть, прежде чем ты упадёшь.

Он осторожно протянул руку, не чтобы схватить, а чтобы помочь подняться. А кот, фыркнув, добавил:

— И, пожалуйста, больше не кидай меня. Я хоть и фамильяр, но на мячик для стресса не похож. Меня зовут Босс. И сейчас, похоже, мне придётся вести этот безумный протокол.

Но лишь Клод собрался что-то сказать, демонстративно подняв палец, как всё вокруг затряслось. Дом вздрогнул от основания до крыши, осыпая нас пылью с балок. И сквозь стены, сверху, с небес, прорезался дикий, яростный рёв.

— Ох, ты ж блин... — прошипел кот, прижав уши. — А следователь-дракон, смотри-ка, уже здесь. Работает оперативно, надо признать.

— Босс, что будем делать? — быстро, тоже шёпотом, спросил Клод.

Они оба разом перевели взгляд на меня. Я уже не просто тряслась — меня буквально выкручивало от ужаса. Всё это было взаправду. Дракон был настоящим. И он был здесь.

Ещё один рёв, ближе и громче, заставил скрипнуть стены. Где-то на улице посыпались черепицы.

— Белла... у тебя есть диадема? — очень медленно, разделяя слова, спросил кот, впиваясь в меня взглядом.

Я, трясась, начала судорожно ощупывать себя. Может, и правда где-то припрятана эта чёртова диадема? Но я была просто мокрой, замёрзшей, перепуганной девушкой в чужом теле. Платье под промокшим плащом оказалось... вызывающим. Корсет, туго перехватывающий талию, почти полностью открытая грудь, какие-то жалкие ляпочки на плечах. Похоже, прежняя хозяйка предпочитала тактику «отвлечь и обворовать». Карманы — пусты. Ни сумки, ничего.

Полуэльф заметил моё замешательство.

— Вижу, диадемы у неё нет, — тихо констатировал он. — Ни сумки, ничего. Всё, видимо, растеряла по дороге. Карманы пустые.

Он сделал осторожный шаг ко мне, снова поднял руки в умиротворяющем жесте.
— Дружочек... как тебя зовут? Настоящее имя?

— Т-т- Тамара... — выдавила я.

— Прекрасно. Будем звать тебя так. Тебе же удобнее. — Его голос стал деловитым, собранным. — Тамара, мы тебе всё объясним. Но сейчас нам нужно уходить. Иначе через минуту здесь будет дракон-следователь, от которого ты улёпётывала. И мы ему ничего не сможем объяснить. Поэтому делай то, что мы скажем. Поможешь?

Я кивнула, не в силах вымолвить слово.

— Но как он так быстро нашёл? — прошептал Клод больше себе, чем мне.

— Он... он сказал, что я вкусно пахну... — дрожа, проговорила я. — Что я для него как... истинная конфетка.

— Истинная?! — хором ахнули Клод и Босс. Надо было видеть, как смешались ужас и полнейшее недоумение на их лицах. Они переглянулись, и кот, у которого шерсть на загривке была дыбом, изрёк с ледяным сарказмом:

— Час от часу не легче, мяу! Теперь у нас не просто воровка, а воровка, которая ещё и судьба лорда-дракона. Заказуха.

В этот момент снаружи, уже совсем рядом, прогремел новый рёв, и слышно стало, как внизу начинают вышибать двери.

— Открывайте! Охрана Имперского двора!

— Всё, сматываемся! — резко прошипел Клод, хватая меня за руку без лишних церемоний. Он подтащил меня к дальней стене, отодвинул массивный, скрипучий шкаф и ловким ударом плеча высадил одну из вертикальных досок обшивки.

— Внутрь! Быстро!

Он буквально впихнул меня в чёрную дыру, следом запустил кота и сам протиснулся за нами, притянув шкаф обратно. Доска с лёгким щелчком встала на место. Мы оказались в узком, пыльном пространстве между стенами.

— Я знаю одно здание на краю столицы, — задыхаясь, прошептал Клод в крошечной тьме. — Оно принадлежало одному моему... должнику. Документы сейчас у меня. Там и укроемся.

Мы начали спускаться по почти вертикальной, скрипучей лестнице, согнувшись в три погибели. Я ничего не видела, просто шла на ощупь, чувствуя под ногами шаткие перекладины и спину Клода впереди.

Потом лестница кончилась, и мы вышли в низкий, сырой тоннель. Пришлось почти бежать, сгорбившись, спотыкаясь о неровный пол. Я окончательно замёрзла в мокрой одежде. Где-то высоко над толщей земли по-прежнему доносился яростный рёв, и каждый раз я ждала, что каменная кладка над головой рухнет, впустив когтистую лапу. Но погони не было.

Иногда тоннель освещался решётками, ведущими куда-то наверх, и мы замирали, слыша обрывки разговоров.

—...девушку — только живой! Так лично лорд-следователь требовал...

— Хех, для девушки дракона, говорили, особое наказание предусмотрено... Изысканно будет допрашивать...

От этих слов меня начинало тошнить. Мы бежали дальше, пока у меня в глазах не поплыли тёмные пятна. Холод, страх и истощение взяли своё. Когда впереди наконец забрезжил слабый свет — выход из тоннеля, — ноги окончательно подкосились, и мир резко ушёл из-под ног в тёмную, беззвучную пустоту.

Глава 3

Я очнулась от того, что мне прямо в глаза светило солнце. Я лежала, чувствуя себя так, будто меня переехал нежный, но очень настойчивый каток. Первая мысль была сладкой и обманчивой: «Это сон. Просто страшный сон. Я заболела, упала в обморок на кухне, ударилась головой... Пусть сейчас окажусь в больнице. Пожалуйста, пусть это будет сон».

Но запахи разрушили эту хрупкую надежду. Я явно была не в больнице. Пахло сушёными травами, старым деревом, пыльным сеном и... мылом, таким, каким пахнет самодельное мыло на травах. Я как-то пробовала его варить, когда денег не было, а бывший муж считал покупное «ненужной роскошью». Может, это он всё подстроил? Догадался, что я собираюсь похитить обратно своего кота-сфинкса, и... Нет, Тамара, хватит. Это уже параноя.

Я открыла один глаз, всё ещё надеясь, что увижу знакомую потрескавшуюся штукатурку своей съёмной квартиры. Увы и ах.

На удивление, паники не было. Видимо, психика исчерпала лимит на истерику. Теперь включался холодный, аналитический режим: «Я в неизвестном месте. Я жива. Нужно оценить обстановку».

Я медленно осмотрела помещение. Комната была залита светом из двух больших окон без занавесок. Стены — смесь грубой каменной кладки и тёмного дерева. По виду крыши с красной черепицы за окном я поняла, что я явно не на первом этаже.

Комната требовала капитальной уборки. Повсюду были разбросаны свитки, книги, какие-то чертежи с непонятными схемами. Кто-то очень увлечённый или же очень безалаберный проводил здесь много времени. Я скривила нос, заметив в углу пару тарелок с высохшими объедками и костями. Стояли два шкафа: один для одежды, другой, переполненный, для книг. И было большое, в полный рост, пыльное зеркало.

Я приподнялась на локтях. Лежала я на чём-то вроде тюфяка, набитого сеном. Не идеально, но сухо. И тут я осознала ключевую деталь: я была переодета. Кто-то снял с меня то вызывающее, мокрое тряпье и облачил в простой, грубый льняной балахон, больше похожий на мешок с прорезями для головы и рук. Мысль о том, кто и как это проделал, заставила меня на мгновение застыть.

Тело ныло, голова гудела. Не удивлюсь, если я проспала сутки, ведь после такой встряски и переохлаждения это было закономерно.

Итак, резюме. Я — не я. Нахожусь в теле явно более молодой девушки, судя по рукам и ощущениям в теле. Грудь, кстати, весьма аппетитная... Эх, Тамара, не о том думаешь.

Нужно взглянуть на себя. Я с трудом поднялась, но, к удивлению, ноги держали, подошла к зеркалу, смахнула с него ладонью слой пыли.

То, что я увидела, заставило сердце ёкнуть от странной смеси восторга и ужаса.

В своём мире я была «серой мышкой». Всю жизнь посвятила мужу, который откладывал мои «потом» на неопределённое будущее, в то время как сам не отказывал себе ни в чём. Салон красоты, стильная одежда, спортзал — всё это были несбыточные мечты.

А в зеркале на меня смотрела незнакомка. Очень молодая. Серые, огромные глаза с таким «оленим» разрезом, что казалось, она вот-вот шарахнется в сторону. Пухлые, естественно-розовые губы. Каштановые волосы, и... да, сзади, как и ощущалось, ниспадали несколько изящных розовых прядей. Словно кто-то аккуратно выкрасил их самой дорогой пудрой. Тело... тело было просто божественным: тонкая талия, соблазнительные бёдра, та самая «аппетитная» грудь. Всё это было облачено в уродливый балахон, но даже он не мог скрыть идеальных пропорций.

Я подняла руку, коснулась лица в зеркале. Незнакомка повторила движение.

Страх отступил, уступив место ледяному, всепоглощающему непониманию.

«Кто ты? — мысленно спросила я у своего отражения. — И где сейчас моё тело? Ты в нём? Или „та“ Тамара уже не существует?»

Сознания смешались. Обрывки чужих воспоминаний о драконах, погонях и какой-то диадеме плавали где-то на периферии, как смутные сны. Я не могла их структурировать. Я не была этой девушкой — Мирабеллой, Беллой, как её там. Но я и не была уже прежней Тамарой. Я была кем-то третьим. Застрявшим в самой красивой, самой нелепой и самой опасной ситуации в своей жизни.

Откуда — то снизу донёсся звук упавшей посуды и приглушённое ругательство, которое, впрочем, по интонации было универсальным: «Чёрт!»

Похоже, мои новые «друзья» где-то рядом. И пора начинать задавать вопросы. Первый из которых: «Где, чёрт возьми, мой кофе в этой вселенной?»

Я вздохнула очень глубоко, потом выдохнула. Ещё раз посмотрела на свой унылый балахон. Осмотрелась, поняла, что больше никакой одежды в комнате не видно. Копаться в шкафу побоялась: мало ли что оттуда на меня выпрыгнет. Решила идти сдаваться на милость победителей, то есть тех, кто меня сюда притащил и передел.

Открыв дверь, я увидела узкую лестницу, ведущую вниз, и спустилась. К своему удивлению, я вышла напрямик на... кухню.

Ну, или на то, что очень на неё походило. Стояли массивные столы из уже выдавшего виды дерева, была каменная раковина и — о чудо! — настоящая печь-камин с чугунной плитой. Я сразу же, чисто профессионально, оценила её потенциал. «В такой можно и пиццу с дымком испечь, и хлеб с хрустящей корочкой, и томлёное рагу...» — пронеслось в голове. И почему-то сразу представились ряды идеальных эклеров, воздушные бисквиты и стопка золотистых панкейков. Пальцы на руках сами по себе слегка затрепыхались, будто уже чувствуя вес скалки и кондитерского мешка. Мне даже показалось, что между пальчиками проскочила крошечная искорка. «Галлюцинации от голода и стресса», — тут же отмела я эту мысль.

И только тогда я заметила «ребят». Они сидели за большим кухонным столом. Вернее, Клод сидел, а рядом, на отдельном стуле, восседал... кот. Да не просто сидел, а перед ним стояла миска с молоком, и он с невозмутимым видом окунул в него морду, а затем принялся вылизывать лапу. Очень воспитанный кот. Очень странная картина.

Мы уставились друг на друга в тишине, нарушаемой только тихим «мяф» и шумным глотком Клода, допивавшего что-то из кружки.

Наконец, полу-эльф аккуратно встал, взял со свободного места ещё один стул и поставил его рядом со столом.

— Присаживайся, — сказал он просто, жестом приглашая меня занять место. — Чай остывает. Или ты предпочитаешь кофе? Правда, наш кофе больше напоминает жжёную кору, но бодрит знатно.

Кот, Босс, оторвался от лапы и кинул на меня оценивающий взгляд своими жёлтыми глазами.

— Она уже оценила печь, — заявил он своим бархатным голосом. — Видел, как её пальцы затрепыхались. Интересно, это профессиональный рефлекс или нервный тик после вчерашнего? В любом случае, садись, Тамара. Тебе нужно поесть, а нам надо провести первый в твоей жизни в этом теле инструктаж по выживанию.

Я медленно подошла и опустилась на стул, всё ещё не веря, что веду себя так спокойно за столом с полу-эльфом и говорящим котом. Но запах чая, который пах мятой и медом, был обманчиво уютным.

— Кто... кто меня передел? — спросила я первое, что пришло в голову.

— А, это я, — невозмутимо сказал Клод, наливая мне чай в глиняную кружку. — Со старым платьем пришлось попрощаться — оно было мокрым и смердело болотом. Это, — он кивнул на мой балахон, — мой старый спальный наряд. Сидит, конечно, мешком, но зато чистое и сухое. Не обессудь.

Босс фыркнул.

— «Не обессудь». Он ещё пытался найти что-то женственное, но в его гардеробе, кроме этого и нескольких одинаковых кожанок, ничего нет. Так что поздравляю с новым амплуа.

Я смотрела то на одного, то на другого. Страх отступал, уступая место острому, живому любопытству. И да, голоду.

— Ладно, — сказала я, беря кружку. Тепло от неё приятно обожгло ладони. — С чего начнём? С дракона, диадемы или... с того, как тут вообще что-то готовить? Потому что эта печь, — я кивнула в сторону камина, — просит, чтобы её использовали по назначению.

Клод и Босс переглянулись. На лице полу-эльфа появилась тень улыбки.

— Начнём с самого важного, — сказал кот, снова окуная морду в молоко. — С завтрака. А потом уже про драконов. С голодным собеседником разговаривать себе дороже.

И, кажется, в этой безумной ситуации это было самое разумное предложение, которое я слышала с момента своего прибытия.

Клод после чая всё-таки налил мне еще что-то тёмное и дымчато-пахнущее в кружку.

— Это у нас вместо кофе, — пояснил он, ставя передо мной не самую чистую тарелку с парой странных, твёрдых печений. — А это... э-э-э... передали некоторые мои знакомые, которые мне должны. В счёт долга.

Я ещё раз окинула взглядом дуэт: полу-эльфа с виновато-деловым видом и кота, вылизывающего усы после молока. Откусила кусочек печенья. Оно было пресным и крошилось. В этот момент до меня окончательно дошла вся неменяемость ситуации. Паника отступила, осталась лишь ясная, холодная мысль: «Ну я попала. Теперь надо разбираться».

— Скажите... а как часто у вас, — я сделала паузу, подбирая слова, — так происходит? Что сознание человека из другого мира попадает... ну, в живое существо вашего мира?

Клод пожал плечами, размышляя.

— Бывает. Нечасто, но бывает. Наш мир пропитан магией, стабильной и хаотичной. Поэтому здесь возможно, в принципе, всё. Дыры между мирами, сдвиги душ... В легендах такое встречается.

— А в моём мире магии нет, — пробормотала я, пригубив своё «кофе». На вкус оно напоминало подгоревшие желуди с дымком. «Не хватает корицы, — автоматически подумала я. — И капельки ванильного экстракта... если он здесь вообще есть».

— А чем же ты занималась в своём мире, где нет магии? — спросил кот Босс. Его жёлтые глаза смотрели на меня с неподдельным, аналитическим интересом. Будто он складывал пазл.

— В моём мире я была кондитером. Пекла торты, пирожные, сладости на заказ, — сказала я, и голос неожиданно дрогнул от грусти. Представила свою кухню, заказы на следующую неделю, недочитанный журнал с рецептами. — Поэтому мне... мне нужно понять, как вернуться обратно.

Я посмотрела на них обоих, пытаюсь вложить в взгляд всю свою искренность.

— Ребята... извините, что так отреагировала вчера. Для меня это был жуткий шок. Вы можете... можете мне как-то помочь вернуться?

Клод и Босс снова переглянулись. Этот взгляд длился дольше, чем обычно. В нём было не просто обсуждение, а было молчаливое соглашение о чём-то неприятном. Когда они наконец повернулись ко мне, в их глазах читалась уже знакомая, но от того не менее горькая смесь понимания и жалости.

Босс вздохнул, шерстка его от этого пошевелилась.

— Видишь ли, Тамара, — начал он, и его бархатный голос звучал необычно мягко. — Это самое сложное.

Клод кивнул, вертя в руках свою кружку.

— Теории и легенды — это одно. А на практике... Обратный путь, если он вообще был, почти всегда оказывается закрыт в момент перехода. Особенно если он был таким... травматичным. — Он имел в виду дракона и падение. — пояснил Клод. — Твоё сознание не просто «залетело». Оно укоренилось. Вытеснило то, что было здесь раньше. Это как... как пересадить взрослое дерево. Обратно его уже не воткнёшь, не повредив корни обоих миров.

Воцарилась тяжёлая тишина. Я смотрела на крошки печенья на тарелке, чувствуя, как внутри растёт пустота, куда более страшная, чем страх перед драконом.

— То есть... — мои губы с трудом выговорили, — я застряла здесь навсегда?

— Не обязательно «навсегда» в плохом смысле, — быстро сказал Клод, но в его тоне не было уверенности. — Есть специалисты по редкой магии, артефакты... Но это всё на уровне мифа. И найти их — задача не для... э-э-э... новоприбывших.

Босс приподнял лапу.

— Есть более насущная проблема. Пока ты ищешь гипотетический путь домой (а мы, конечно, поможем, чем сможем), тебе нужно здесь жить. А здесь у этого тела, — он кивнул на меня, — есть долги. Большие. Перед законом и перед очень конкретным, очень злым драконом. И они никуда не делись с твоим приходом.

Я закрыла глаза. Мысль о том, что возврата может не быть, ударила сильнее любого драконьего рёва. Но в следующую секунду внутри что-то щёлкнуло. Тот же механизм, что заставлял меня вставать в пять утра, чтобы успеть сделать заказ или замешивать идеальный крем после трёх неудачных попыток.

Я открыла глаза.

— Хорошо, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрже. — Значит, план такой: сначала выжить и разобраться с проблемами этого тела. Параллельно... искать информацию о возврате. А для того чтобы выжить, мне нужны деньги, безопасное место и понимание правил этого мира. И... — я обвела взглядом кухню, остановившись на печи, — мне нужно готовить. Это единственное, что я умею делать хорошо даже здесь.

Клод медленно улыбнулся, а в глазах Босса мелькнуло нечто похожее на уважение.

— А что с этим драконом? Почему он гнался за мной? И чем вообще занималась... девушка этого тела? — я аккуратно указала на себя.

Клод вздохнул, его весёлая маска на мгновение сползла, открывая усталое, виноватое лицо.

— Мы с Мирабеллой... росли в одном приюте. Мы были не просто сиротами. Мы были «смешанными».

Я не поняла и нахмурилась.

— Ну, это когда... вот я — полуэльф, получеловек. А ты... — он развёл руками. — Ты полу... мы так и не поняли, кто. В твоей крови точно есть что-то от лесных ведьм, а иногда мне кажется, там есть и капля драконьей крови. Слабая, далёкая, но... — он умолк, и этот намёк повис в воздухе.

— А вы, значит, как... брат и сестра?

— Да. С детства знаем друг друга. Так вышло, что я немножко пошёл по наклонной... и потянул тебя за собой. Я хорошо находил «задания», а ты, благодаря своим особенностям, их выполняла. — Он говорил быстро, словно торопился оправдаться. — Ничего уж очень страшного мы не делали! Не брали больше, чем нужно на жизнь, на пропитание... Пока...

Он замолчал, а Босс, сидевший рядом, сурово поджал усы.

— Пока не вышли на нас определённые «заказчики». Они предложили очень хорошую сумму за одну услугу: передать им императорскую реликвию. Диадему Жизни. Ты не хотела брать этот заказ, Белла. Что-то тебя смущало. А я... — Клод сторбился. — Я тебя уговорил. Прости. Я виноват. Я хотел лучшей жизни для нас. Мы же жили как отшельники! Самое красивое, что ты могла позволить — это платье, выброшенное дамами из... э-э-э... одного заведения терпимости. И то по знакомству, и то за «услуги».

В его голосе была такая горечь, что мне стало жалко их обоих — и его, и ту, чьё тело я заняла. Этот мир оказался ещё сложнее и суровее, чем я думала.

— Я не знаю, что произошло в тот вечер, — тихо продолжил Клод. — Ты ушла на дело... а вернулась под фанфары и рёв дракона. До сих пор ничего не помнишь?

Я покачала головой. Воспоминания были смутными, как страшный сон: огонь, грязь, паника.

— А причём тут этот дракон, который называл меня... «истинной»? — спросила я, снова ощущая мурашки на коже.

Босс глубоко вздохнул, как человек, которому предстоит объяснять квантовую физику котёнку.

— А вот с этим, дорогая, всё сложнее. Если в тебе и правда есть капля драконьей крови, а твоя гипотетическая бабушка могла иметь весьма смелые вкусы и западать на чешуйчатых, то неудивительно, что следователь-дракон почувствовал в тебе свою Истинную Пару.

Он увидел моё полное непонимание и терпеливо добавил:

— В вашем мире разве нет понятия «вторая половинка»? Та, что создана только для тебя? У драконов это не романтическая метафора, а биологический и магический факт. Одна пара на всю жизнь. И ради неё они могут совершать... эпически неразумные поступки. Но если он закрепит связь... ты будешь слышать его зов. Всегда. Он заберёт тебя как свою вещь, и противостоять этому будет почти невозможно. А ещё он будет чувствовать тебя по запаху за версту.

— Ну, час от часу не легче, — выдохнула я, закрывая глаза, пытаюсь переварить этот вал информации. Внутри всё кричало от ужаса, но где-то в глубине, среди обломков старой жизни, уже начинала прорастать стойкость. Страдать было непозволительной роскошью. — Ладно. Что пролитым слёзам помогать? Как тут у вас вообще относятся к сладким пирожкам?

Клод и Босс переглянулись на этот раз с явной хитринкой в глазах. Я встала, обошла кухню и заглянула в соседнее помещение. Это был зал для посетителей! Пустой, пыльный, с покосившимися столиками и стульями, но... с потенциалом.

Я повернулась к ним, стоя в проёме.

— Клод, а что здесь раньше было?

— Харчевня. Пока её владелец не спился, не скурился и не проиграл это здание мне в карты, — ответил он с горьковатой улыбкой.

Идея, зреющая с того момента, как я увидела печь, оформилась в чёткий, дерзкий план.

— Друзья... а если мы откроем здесь кондитерскую? Назовём её... «Сладкая Наглость».

Сначала из кухни донёсся шёпот. Я различила обрывки: «...я же говорил, она из этих!» и «...всё спорится, ведьма своё не упустит...»

Потом они вышли ко мне в зал — полуэльф с горящими глазами и кот с выражением стоического принятия на пушистой морде.

— Мы тебе поможем, — сказали они хором. И в этом простом слове было больше обещаний, чем в любой клятве.

— Отлично, — улыбнулась я, потирая руки, чужие, но уже почти свои. — Тогда первым делом сделаем генеральную уборку. Потом будет инвентаризация запасов. А потом, я бросила взгляд на свою странную команду, я испеку нам первый в этом мире торт «Забудь о драконах». Или, на худой конец, очень убедительные кексы.

Глава 4

Дым от погасшей свечи стелился сизой пеленой, смешиваясь с запахом старого пергамента, и чернил. Томас сидел за массивным дубовым столом, но не видел разложенных на нём донесений о контрабанде солнечных кристаллов. Его взгляд был устремлён куда-то внутрь себя, в ту точку пространства, где два дня назад он почувствовал.

Истинная.

Слово жгло изнутри, как тлеющий уголь. Нежность и ярость, собственнический инстинкт тысячелетней силы и ясный, холодный долг следователя — всё сплелось в тугой, невыносимый узел под рёбрами. Он даже лица её как следует не рассмотрел! Только мелькнувшую в грязи и дожде фигуру и розовые пряди, скрытые плащом, испуганные глаза да тот крик, от которого у него рефлекторно сомкнулись челюсти. А потом... глина. Ему в морду. Лорду-дракону, перед которым трепетали самые отпетые негодяи империи!

Его когти (пока ещё в человеческом обличье, но от этого не менее острые) впились в дубовую столешницу, оставив тонкие царапины. Он прочесал весь квартал. Поднял на уши всю стражу. И... ничего. Она испарилась. Её запах — этот сводящий с ума коктейль из ванили, страха и дикой, чужой магии — обрывался у стены какого-то трущобного дома, будто её поглотила сама земля.

Она где-то здесь. Дышит. Может, тоже думает обо мне или, что вероятнее, прокликает и ищет способ сбежать ещё дальше.

Мысль о побеге заставила его сдержанно зарычать. Гул низкой частоты заставил задрезать стекло в витрине с наградами.

В этот момент в кабинете, пропахший табаком, хмелем и сожалением, возник его старый «знакомый» — Альфий.

— Томас, друг! Лорд-следователь! Лучи света в этом тёмном царстве бюрократии! — Альфий плюхнулся в кресло напротив без приглашения, смахнув со лба жирные пряди сидящих волос.

Альфий — сын старого харчевника, который когда-то поил юного Томаса (тогда ещё просто Тома) густым элем после первых неудачных полётов. Сам Альфий пошёл по стопам отца лишь отчасти — харчевню он предпочёл променять на алхимическую лабораторию, карты и бесконечные возлияния. Результат был предсказуем.

— Меня обчистили, Томас! Обвели вокруг пальца, как последнего простофилю! — начал он, размахивая руками. — Эта самая харчевня отца, последнее, что у меня было... Её теперь занимает какой-то молокосос-полуэльф! Говорит, я ему всё честно проиграл. Но я же помню, меня там подпоили, наколодили! Ты должен разобраться! По-дружески. Без этих... — он брезгливо сморщился, — протоколов и судов. Ты же можешь просто прийти и... — Альфий выразительно сжал кулак.

Томас смотрел на него, едва слушая. Бормотание Алфия было лишь фоном для его собственных мыслей. Но в какой-то момент слова «полуэльф» и «заброшенная харчевня на окраине» зацепились за что-то в его сознании. Окраина, где меньше глаз, где можно спрятаться.

Он откинулся в кресле, и в его коричневых глазах, обычно таких жёстких, мелькнула искорка не интереса к делу Алфия, а чего-то другого. Отчаянной, хищной надежды.

Разобраться самому без шума. Просто прийти.

Возможно, это будет пустой тратой времени. Возможно, этот полуэльф — просто очередной жулик. Но это хоть какая-то отдушина в этом удушающем ожидании, когда каждый звук на улице заставляет прислушиваться, не её ли это шаг.

И если там окажется хоть намёк, хоть слабый отголосок того запаха...

— Ладно, Альфий, — голос Томаса прозвучал низко, но уже без прежней рассеянности. В нём появилась стальная нить решимости. — Назови адрес. И имя этого... полуэльфа.

Возможно, это всего лишь побег от главной погони. Но иногда, чтобы найти то, что потеряно, нужно начать искать там, где и не думал.

Он встал, и тень от его широкой фигуры накрыла карту города на стене. Его истинная была где-то там. И он найдёт её. Начиная с этой жалкой харчевни, проигранной в карты.

Томас не спал почти всю ночь, он готовился к своему частному расследованию даже с утра. Бумаги были разобраны. Приказы — подписаны. Рапорт о безуспешных поисках воровки по кличке "Конфетка" — скомкан и отправлен в самое дальнее отделение стола. Томас сидел, пытаясь сосредоточиться на вдумчивом изучении доклада о росте контрабанды зачарованной кошачьей мяты через южные границы. Но строчки расплывались.

Вместо цифр и отчётов перед внутренним взором с навязчивой чёткостью вставали... драконята.

Не один и не два, а целая десятка. Маленькие, чешуйчатые комочки с огромными глазами, цвета тёмного шоколада с розовыми искорками — ну, ясно же, в мать пойдут, с её розовыми прядями! — которые носились по залу его родового поместья Огнедышащих Утесов.

Один, — мысленно считал Томас с растущим ужасом, — сносит витрину с фамильными реликвиями, пытаясь поймать солнечного зайчика. Два других дерутся из-за золотого кубка, разрывая его на сверкающие клочья. Третий, самый мелкий и наверняка самый хитрый, подпалил хвост статуи прабабушки Дракониссы Вельгарды.

Он физически почувствовал, как по спине пробежала судорога — инстинктивная попытка встряхнуть воображаемых отпрысков, уцепившихся когтями за его хребет, как это делал он в детстве с отцом.

«Нет, — сурово поправил он себя, уцепившись взглядом за фразу «...увеличение на пятнадцать процентов...». — Сначала нужно построить отдельный дом именно для их семьи. Из

огнеупорного камня. С тройными засовами. И нанять... няньку? Нет, гувернёра. Следопыта с железными нервами и полисом страхования от ожогов третьей степени».

Мысль о няньке плавно перетекла в другую. Он увидел её. Не в грязи и панике, а в солнечной гостинной их логова. Она, его Истинная (имени он всё ещё не знал, и это сводило с ума), сидит в огромном кресле, укутанная в что-то мягкое. В одной руке — свиток с рецептами (почему с рецептами? он отогнал странную деталь), другой — она пытается отобрать у драконёнка номер четыре его собственную, только что снятую, начищенную до блеска пряжку от плаща.

— Отдай, — говорит она, но в голосе смех. — Папе на работу надо!

— Мое! — рычит отпрыск, и из ноздрей вырывается клубок дыма. — Блестит!

— У папы в сейфе есть ещё блестящее, — невозмутимо парирует она. — Целая куча. Давай договоримся...

И тут Томас с ужасом осознал, что в его фантазии она договаривается с драконёнком. Не рычит, не пугает пламенем, не заковывает в цепи, как советовал бы древний драконий кодекс воспитания. А договаривается и, кажется, выигрывает.

Он резко встал, задев коленом стол. Кубок для перьев подпрыгнул и зазвенел. Это была катастрофа. Абсолютная, невыносимая катастрофа.

Он, лорд Томас Огнедышащий, гроза преступного мира, для которого понятия «семья» ограничивались портретами на стене и обязанностью продолжить род, вот уже два дня не может думать ни о чём, кроме: запаха ванили, исчезновения воровки, десяти гипотетических, непослушных наследников, которые уничтожат его родовое гнездо.

И самое ужасное — мысль номер три не вызвала у него желания немедленно улететь на дальний, безлюдный пик. Вместо этого в глубине драконьего, жаждущего обладания естества, копошилось что-то тёплое, огромное и до идиотизма счастливое.

«Остановись, — приказал он себе, шагая к окну. — Ты даже не знаешь, хочет ли она тебя. Она, напомню, бросила тебе в лицо глиной и сбежала. Она — главная подозреваемая в деле об Императорской Диадеме! Ты должен её найти, допросить и, возможно, арестовать. А не... не выбирать обои для детской!»

Он взглянул на улицу, где обычные люди занимались обычными делами. Никто из них, он был уверен, в этот момент не планировал, как укреплять каменные балки, чтобы они выдержали вес игривых полукровок.

В дверь кабинета робко постучали.

— Войдите! — рявкнул Томас громче, чем планировал.

Вошел клерк, побледнев.

— М-мой лорд, вы рычали... то есть, вы просили досье на полуэльфа по имени Клод и сведения о харчевне «У старого дуба» на Окраинной улице?

Томас медленно обернулся. В его глазах горели не упоение мечтой, а решимость хищника, учувшего наконец реальный, а не воображаемый след.

— Да. Немедленно. И приготовьте мой плащ. Самый... неофициальный.

Пока клерк суетился, Томас бросил последний взгляд на свой идеально упорядоченный, одинокий кабинет.

«Десять, — промелькнула у него на прощание крамольная мысль. — Ну, или восемь. Восемь — тоже хорошее, солидное число».

И, отгоняя улыбку, он направился к выходу. На охоту.

Глава 5

— Босс, ты уверен, что я могу в этом ходить? Чувствую себя как-то... очень не очень, — пробурчала я, разглядывая себя в зеркале спальни.

На меня смотрела всё та же чужая и прекрасная девушка, но уже облачённая в нечто... вызывающее. Платье было ярко-алого цвета, с открытыми плечами, туго стянутым корсетом, который собирал грудь почти до подбородка, и пышной юбкой, украшенной ажурными вставками и бантиками.

— Вот скажи мне честно, кот, это ведь из борделя, да? Прямо скажи.

— Это единственное, что я смог для тебя достать! — донёсся снизу голос Клода. — Иначе тебе просто не в чем будет ходить! Твой старый «наряд» я сжёг — он смердел болотом и драконьей злобой!

— Но в принципе, ты можешь ходить ещё в том балахоне, — невозмутимо промурлыкал Босс, умывая лапу прямо на моей подушке. — Или голая. Выбор, как говорится, за тобой. Но если планируешь впечатлить будущих клиентов...

Я тяжело вздохнула, отрывая взгляд от декольте, способного вызвать обморок у слабо-нервного аристократа.

— Ладно, ладно... А что с финансами? Ты же что-то считал.

— А, да! — Босс оживился. Его хвост дёрнулся. — Я проанализировал наш «загашник», то бишь общак, а также твои... эм... многословные описания будущих кондитерских шедевров. Вывод: на ингредиенты для трёхъярусного торта «Восхищение фей» или эклеров с облачно-ванильным кремом у нас не хватит даже на половину. Мы банкроты ещё до открытия.

Я присела на край кровати, от чего корсет неприятно впился в рёбра.

— И что предлагаешь?

— Оптимизация! — провозгласил кот. — Начинаем с малого. Оладьи. Блинчики. Простые кексы на местной муке и яйцах «от соседской курицы, которая ещё не разобралась, кто тут главный». Я уже составил примерный бизнес-план...

К моему изумлению, Босс потянулся лапкой в пустое пространство рядом с собой. Воздух завихрился, засверкал мельчайшими искорками, и из ниоткуда в его лапы материализовался небольшой кожаный блокнот и острое пёрышко.

— ...Вот, смотри, — он начал листать страницы, исписанные аккуратным кошачьим почерком.

Но в этот момент случилась осечка. Из того же самого «ниоткуда» с тихим плюхом вывалился маленький стеклянный флакончик. Он покатился по одеялу, и в воздухе резко, нагло и недвусмысленно разлился густой, дурманящий запах... валерьянки.

Босс замер. Его огромные жёлтые глаза округлились в чистом, животном ужасе. Розовые полосы на его чёрной шкурке вдруг зашевелились, как живые, выдав его панику.

— Ой! Неудобно получилось... — забормотал он, стараясь сохранить достоинство, но его лапы уже лихорадочно загребли флакон. — Совершенно не к месту! Побочный эффект подпространственного кармана... случается...

Он пытался затолкать соблазнительный флакон обратно в мерцающую дыру в реальности, но, видимо, из-за нервов, магия давала сбой. Флакон то исчезал, то снова появлялся с легким чпоком, каждый раз источая тот же густой аромат. Полоски на Боссе теперь пульсировали малиновым светом.

— Босс, — не удержалась я, пробираясь сквозь смех и удивление. — Это... твой секретный запас на чёрный день?

— Это недопустимая оплошность в концентрации! — фыркнул он, наконец утопив флакон в недрах своего личного измерения. Воздух перестал мерцать. Он откашлялся, старательно выровнял пёрышко. — Забудь, что ты видела. Вернёмся к расчётам. Итак, олады. Их себестоимость, учитывая текущие рыночные цены на молоко и яйца...

Я смотрела на этого говорящего, считающего, занудного кота, у которого только что выпал флакон с валерьянкой, и чувствовала, как последние остатки паники тают. Этот мир был безумен. Но, возможно, именно такой безумный мир и нужен был, чтобы начать всё с чистого листа. Даже если на тебе надето платье, от которого покраснела бы даже самая отчаянная куртизанка.

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. Корсет скрипнул, но выдержал. — Идём составлять список покупок. Но сначала, Босс... может, всё-таки проветришь тут? А то знаешь... запахок стоит специфический.

Кот только презрительно фыркнул, но кончик его хвоста дёргался ещё несколько минут.

Мы ещё немного задержались с Боссом, уткнувшись в его блокнот. Обсудили меню, пересчитали рецепты, прикинули бюджет. Я даже начала потихоньку разбираться в местной валюте, мысленно переводя всё в привычные рубли. Всё согласовав, мы двинулись вниз — я и мой пушистый финансовый директор.

— Клод, нам надо на рынок! И мне нужен твой плащ, я не могу идти вот так, — заявила я, спускаясь по лестнице. — Или, на худой конец, какая-нибудь кожаная куртка. Думаю, она меня прикроет.

Спустившись в кухню, я застыла в изумлении. Здесь царила идеальная чистота. Медные кастрюли блестели, пол был вымыт, даже печь сияла. Когда он всё успел? Я вышла в зал для посетителей. Клод, с видом одержимого, яростно натирал тряпкой столы. Здесь, конечно, ещё пахло пылью и запустением, но уже не было того ощущения послевоенной разрухи. Чистота — это первое. А уж потом, накопив, купим нормальную мебель. Экономить я умела. А учитывая, что в этом теле мне не нужно тратить на дорогую косметику (лицо у Миранеллы было на редкость идеальным, а фигура — мечтой любого фитнес-тренера), расходы обещали быть скромными.

— Клод, ты здесь так всё быстро прибрал! — воскликнула я, показывая ему палец вверх. Увидев его непонимающий взгляд, быстро добавила: — Это знак означает одобрение! Ты молодец, вот этим пальцем я это показываю!

— А, понятно, — кивнул он с лёгким удивлением и странным уважением. — Кстати, сестрёнка, я тебе вот что хотел сказать. У меня тут есть один должник из гильдии, выдающей лицензии на всякие вкусняшки, которые ты собираешься готовить. То есть на кондитерскую. Я сегодня к нему загляну, и думаю, лицензия у нас в кармане.

— Я даже спрашивать не буду, почему у тебя столько должников, — закатила глаза я. — Так, нам надо на рынок. Что по поводу одежды, чтобы прикрыть этот... срам?

— Ага, сейчас, подожди, — Клод скрылся в подсобном помещении. — Кстати, я нашёл муку по дешёвке! Сейчас как раз должен приехать продавец. Он кстати...

— ...Тоже твой должник, да-да, я уже поняла, — закончила за него я.

Через минуту он выдал мне потрёпанную, но добротную кожаную куртку. Она сидела в обтяжку по талии, но это было в тысячу раз лучше открытого корсета. Я накинула её и, всё ещё что-то обсуждая с Клодом и Боссом, вышла первой, толкнув входную дверь.

И тут же упёрлась носом в могучую, недвижимую грудную клетку.

В голове промелькнуло: «А, точно, продавец муки!» И я, не отрываясь от импровизированной стены из мышц, проорала назад:

— Клоооод! Твой продавец приехал! — А потом потеряла ушибленный нос. Что-то было не так. Этот человек не двигался. Совсем. Было ощущение, будто он задержал дыхание и превратился в статую.

Я подняла голову, чтобы разглядеть его. Он был огромен. Кожаные штаны, походные сапоги, бежевая рубашка, кожаная жилетка — всё в оттенках песка, дерева и земли. Коричневые волосы. И глаза... серо-коричневые. Почему-то очень знакомые. Мужчина был чертовски привлекателен, если не считать его окаменевшего выражения и полного отсутствия дыхания.

— Эй, с вами всё в порядке? — занервничала я, потому что он даже не пытался посторониться.

Его взгляд медленно, будто против воли, сполз с моего лица ниже, к вырезу куртки, который, несмотря на все старания, всё ещё открывал добрую часть корсета и приподнятой груди.

И тогда он произнёс. Негромко, хрипло, с таким видом, будто слова выдирали у него клещами. И это были не те слова, которых я ожидала.

— Восемь драконят... — прошептал он, и в его глазах бушевала буря из ужаса, надежды и полнейшего замешательства. — Нет... Десять. И прямо сейчас...

Глава 6

Слова незнакомца меня ввергли в лёгкий ступор. «Драконята»? Сейчас? Его поведение заставило меня инстинктивно сделать несколько шагов назад, к Клоду. Клод был такого же щуплого сложения, как и я, за ним было не спрятаться, но я всё же прикоснулась плечом к его плечу, будто ища хоть какую-то опору.

— Что не так с твоим знакомым должником? — прошептала я ему в ухо.

— Сам в шоке, — еле слышно парировал Клод, не отрывая взгляда от гостя. Потом он собрался с духом и обратился к мужчине уже вслух: — Я думал, вы немного попозже приедете. Если честно, ваше лицо мне знакомо... мы нигде не встречались?

Незнакомец не отвечал. Он, кажется, снова начал дышать только после того, как я отошла. Его взгляд медленно, с тяжеловесной обстоятельностью обвёл помещение: зал, кухню, пыльные углы... и упёрся в Босса. Кот, демонстрируя феноменальное самообладание, сидел на столе и с преувеличенным интересом вылизывал лапу, делая вид, что никаких двуногих в комнате нет.

— А где вы оставили телегу? Товар? Муку? — попытался вернуть разговор в деловое русло Клод, всё ещё пытаясь понять, что происходит.

— Телега? Мука?.. Ах, да! — Мужчина словно очнулся от транса. — У меня... телега сломалась. Неподальёку. Вот я пришёл пешком, чтобы сначала договориться о сделке, а потом, отремонтировав, довезти товар. В принципе, это не так далеко.

— Жаль, — вздохнула я, не сумев сдержать профессиональное разочарование. — Хотелось бы посмотреть на качество муки перед покупкой.

Мужчина наклонил голову, внимательно наблюдая за моей мимикой, будто изучал редкий феномен. Потом сказал с внезапной, почти нежной решимостью:

— Не печальтесь. Я обязательно что-нибудь... придумаю. Вы собирались куда-то?

— Да, мы как раз планировали на рынок, за покупками.

— Позвольте пойти с вами, — заявил он так, словно это была не просьба, а констатация факта. Потом его взгляд скользнул по Клоду и коту. — Вам понадобится мужская сила. Очень понадобится.

— А как же ваша телега? — не отступал Клод, в котором боролись страх и подозрение.

— Я умею решать несколько вопросов параллельно, — невозмутимо ответил Томас. — Но я не могу позволить, чтобы такая хрупкая женщина тащила на себе покупки.

— И всё-таки ваше лицо мне знакомо, — Клод прищурился, потирая подбородок. — Очень знакомо...

— Ваше — тоже, — парировал мужчина, и в его глазах мелькнула опасная искорка. — Я как-то завозил... продукты в местное отделение городской стражи. Мне казалось, там висит ваш рисунок на доске розыска. Очень похожий.

Клод побледнел, потом резко покраснел.

— Я думаю, нам пора! За покупками! — Он встрепенулся, хлопнул в ладоши и буквально выпорхнул за дверь, словно избавляясь от назойливой осы.

В помещении остались я, кот и загадочный незнакомец. Он шагнул ко мне, и пространство вокруг словно сжалось. Он смотрел прямо в глаза, и в этом взгляде была странная смесь шока, одержимости и дикого интереса, что звучала в его словах о драконятах.

— Томас, — представился он низким, тёплым голосом, который, казалось, вибрировал где-то у меня в ушах.

Я сделала глубокий вдох. Спокойно, Тамара. Это просто очень странный, очень навязчивый и невероятно хорошо сложенный продавец муки. С поломанной телегой и проблемами с личными границами.

— Тамара, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Потом кивнула в сторону скрывшегося Клода. — Пройдёте? А то наш... друг уже, наверное, полрынка скупил.

Я двинулась к выходу, чувствуя его взгляд на моей спине. Босс, наконец закончив свой импровизированный туалет, спрыгнул со стола и пошёл рядом, бросив на Томаса взгляд, полный кошачьего презрения и глубокого подозрения.

«Восемь драконят, — ехидно прошипел он так, чтобы слышала только я. — Нет, десять. Поздравляю, Тома. Похоже, он почувствовал в тебе драконью кровь и явно принял тебя за свой инкубатор».

Я чуть не споткнулась на пороге. Я твёрдо решила про себя: при Томасе ни слова о другом мире, попаданстве и прочих вещах, которые звучали бы как бред сумасшедшего. Задача была непростой, ведь всё вокруг вызывало у меня дикий восторг или полное недоумение. Я кусала язык, чтобы не спросить: «А это что за волшебный фонарь?» или «Почему у того продавца овощей борода светится?».

Клод держался от нашей маленькой процессии на почтительном расстоянии, будто Томас был ходячим источником заразы. Он то и дело бросал на него подозрительные, изучающие взгляды, явно пытаясь вспомнить, где видел это лицо, и видимо, каждый раз мысленно перебирая список своих не самых легальных дел.

Томас же вёл себя... странно. Он на две минуты исчез в толпе, и я уже начала надеяться, что он потерялся навсегда. Но нет — он вернулся так быстро и бесшумно, что я даже вздрогнула. Подошёл и деловито сообщил:

— Вопрос с телегой решён. И, в качестве извинений за задержку, сделаю вам на муку большую скидку.

— А насколько качественная у вас мука? — спросила я, глядя ему прямо в глаза, пытаясь казаться просто придирчивой покупательницей, а не девушкой, чьё сердце колотилось где-то уже вне тела.

Томас на мгновение странно закусил губу, будто сдерживая смех или более дикое проявление эмоций. Потом его лицо снова стало спокойным, на нём появилась лёгкая, почти невинная улыбка.

— Поверьте, вам понравится. Это лучшая мука во всём Мархене.

— Где? — сорвалось у меня с языка автоматически, прежде чем мозг успел нажать на тормоза.

Я резко замолчала, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Идиотка! Мархен — очевидно, название города, королевства или чёрта лысого!

Томас медленно поднял одну бровь. Его взгляд стал пристальным, изучающим, как у следователя.

— Вы... не местная? — спросил он мягко, но в этой мягкости чувствовалась стальная пружина.

Мозг лихорадочно заработал. Отрицать? Слишком подозрительно. Согласиться? Ещё опаснее.

— Местная! — выпалила я, стараясь придать голосу лёгкую обиду. — Просто я... я немножко забывчивая. Недавно был сильный ливень, я подскользнулась и ударилась головой... — я сделала паузу, изображая смущение, — после всех этих событий, голова немного не варит. Знаете, как бывает.

Я смотрела на него, пытаясь сохранить невинное выражение лица, и молилась всем богам, в которых не верила в своём мире, чтобы он купился на эту немудрёную ложь.

Рядом Босс, которого я несла в сумке для продуктов (он заявил, что ходить по грязному рынку ниже его достоинства), тихо фыркнул. Звук был похож на: «Забывчивая. Ну да, конечно. Забыла, в каком мире живёшь. Блестяще».

Томас смотрел на меня ещё несколько невыносимо долгих секунд. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на розовых прядях волос, потом вернулся к глазам.

— Понимаю, — наконец сказал он, и в его голосе снова появились те странные, тёплые нотки. — Ливень был сильный. Многих всколыхнул. — Он сделал паузу и добавил уже совсем другим, почти бытовым тоном: — Так что, на муку согласны? Или продолжим покупки?

Кажется, кризис был на время отложен. Но я отлично поняла взгляд Клода, который ловил мои глаза из-за спины Томаса: «Осторожнее, сестрёнка. Этот парень не просто продавец муки. Он что-то ищет. И, кажется, уже почти нашёл».

Рынок гудел, как гигантский, пестрый улей. Я увлеклась, забыв на минуту и про Томаса, и про осторожность. Пальцы сами тянулись к фруктам, оценивая их упругость, нос чуял тонкие оттенки специй, смешанные с запахом фруктов. Я уже вела оживленный спор с торговцем сырами о выдержке некоего «гномьего скрипуна» (Клод потом шепнул, что тот просто тухлый), как заметила, что мой названный брат застыл, будто вкопанный.

Я обернулась. Клод был белее свежего миндального мусса. Его глаза, расширенные от ужаса, были прикованы к группе из четырех стражников в синих плащах, которые неспешно, но целенаправленно обходили лотки в нашу сторону.

— Лицензия, — выдавил он хриплым шепотом, даже не глядя на меня. — Мне срочно надо... за лицензией. Ты... держись тут.

И прежде чем я успела что-то сказать, он юркнул в ближайший проход между палатками и растворился в толпе с мастерством, достойным его профессии.

Я осталась стоять с полной сумкой, из которой торчало только ухо настороженного Босса, и с Томасом, который вдруг материализовался у моего плеча, будто и не отлучался.

Стражи заметили движение Клода, но, кажется, решили, что я — более легкая и стоящая добыча. Их взгляды скользнули по моему вызывающему (хоть и прикрытому курткой) наряду, и они изменили курс, направляясь прямо ко мне. Сердце пропустило удар. Вот и всё, «Сладкая Наглость» не успев открыться, закрывается по причине ареста владелицы за связи с преступным элементом и ношение платья, нарушающего общественную нравственность.

Один из них, с усами и взглядом уставшего быка, уже открывал рот, чтобы что-то сказать. Его рука тянулась к моему запястью.

И в этот момент его взгляд скользнул за мою спину. Прямо на Томаса.

Я видела, как выражение лица стражника изменилось. От усталой служебной строгости оно перешло в замешательство, потом в легкое недоумение, и, наконец, в чистый, беспримесный ужас. Он даже не закончил движение рукой, а просто замер, будто увидел не продавца муки, а начальника, очень строгого начальника.

Его товарищи, шедшие следом, тоже уставились туда же. На рынке вокруг нас вдруг образовался небольшой вакуум тишины. Даже торговец сырами притих.

Томас не сказал ни слова. Он просто стоял. Не двигаясь, не меняя выражения лица. Он даже не смотрел на стражников пристально, его взгляд был рассеянно устремлен куда-то вдаль, будто он размышлял о погоде или о достоинствах овсяной муки.

Но этого оказалось достаточно.

Старший стражник резко, почти комично, выпрямился. Он кивнул — не мне, а тому пространству за моей спиной, где стоял Томас. Потом буркнул что-то невнятное своему напарнику, и вся группа развернулась на каблуках и зашагала прочь тем же неспешным, но уже отдававшим паникой шагом, с которым они пришли.

Я стояла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя легкую дрожь в коленях.

Из сумки донесся тихий, сдавленный голос Босса:

— Ну что, «забывчивая». Кажется, твой новый друг по муке умеет не только считать драконят. Он ещё и мастерски разгоняет муниципальную стражу одним своим присутствием. Очень многообещающее качество для поставщика. И очень, очень тревожное.

Я медленно обернулась к Томасу. Он уже смотрел на меня, и в его серо-коричневых глазах снова промелькнуло то странное, теплое, смущенное выражение.

— Надоедливые они, эти стражи, — просто сказал он, как бы извиняясь за неудобство. — Вечно снуют не к месту. Не испугалась?

Я могла только покачать головой, все еще не доверяя голосу. Кто ты, черт возьми, такой? — кричало у меня внутри.

— Отлично, — он мягко взял у меня из рук самую тяжелую сумку, его пальцы ненадолго коснулись моих. — Тогда продолжим? Вы еще хотели оценить качество местных яиц, если не ошибаюсь. И, кажется, обсудить скидку на опт.

Он пошел вперед, будто ничего не произошло. А я, переведя дух, поплелась следом, с твердой уверенностью, что наша «Сладкая Наглость» только что приобрела самого опасного, самого загадочного и, возможно, самого полезного «инвестора» во всем Мархене. И что Клоду, когда он вернется, будет что со мной обсудить.

Глава 7

Мы уже шли обратно с рынка, и я двигалась налегке, не обременённая тяжестью покупок. Томас шагал рядом, превратившись в живую грузовую мачту — увешанный со всех сторон баулами, корзинами и свёртками, которые нам любезно вручали продавцы.

Сначала я переживала, что без Клода мы не справимся ни с торгом, ни с выбором. Но Босс оказался гением стратегии и покупок. Он, будто чувствуя мои сомнения или просто будучи фамильяром, связанным с этой магией вкуса, мастерски ворчал на качество овощей, нюхал специи и давал понять взглядом, какие фрукты стоит внимания. Он же, с его аналитическим складом ума, отлично ориентировал меня в местных ценах, тихо комментируя: «Это грабёж, а вот тут можно сбить на треть».

Но самое странное происходило, когда дело доходило до денег. Стоило продавцу собраться озвучить цену, как позади меня возникала молчаливая, внушительная тень Томаса. И происходило волшебство: лица торговцев менялись. Улыбки становились нервными и подбострастными, а названная сумма чудесным образом уменьшалась, порой вдвое, со словами: «Для вас, дорогая, особая цена!» или «Да это так, копеечный товар!».

Это странное, почти мистическое влияние Томаса на окружающих не ускользнуло ни от меня, ни от Босса. Мы несколько раз переглянулись — я с недоумением, он с прищуром всевидящих кошачьих глаз. Здесь определённо было что-то не так. Что-то большее, чем просто «продавец муки с внушительной внешностью».

А ещё... я начала замечать за собой другое. Я робела, когда он оказывался слишком близко. И не только из-за его размеров или странной ауры власти. Мне безумно нравилось, как он пахнет. Запах был сложным — тёплый, древесный и свежий одновременно. Он почему-то успокаивал душу и одновременно будоражил, вызывая знакомое, давно забытое приятное томление внизу живота. «Интересно, у Миранеллы вообще когда-нибудь был мужчина?» — промелькнула мысль. Я-то в своём мире была взрослой женщиной, и целомудрием не страдала, хоть брак и оказался пустышкой.

Один раз я слишком долго и задумчиво разглядывала его профиль, сильную линию челюсти, когда он нёс тяжёлую бочку с мёдом. Он поймал мой взгляд. Я мгновенно покраснела и отвернулась, но краем глаза увидела, как на его губах появилась едва уловимая, лукавая улыбка. Не торжествующая, а скорее... понимающая и довольная.

Теперь у меня не оставалось сомнений. Миранелла ему определённо нравится. И это открытие было одновременно пугающим и пьяняще-приятным.

У дверей нашей будущей «Сладкой Наглости», на ступеньке, сидел, поджав ноги, Клод. При нашем приближении он поднял виноватое лицо.

— Ах ты, перекасти-поле предательское, — прошипел Босс, которого мы наотрез отказались нести обратно (кот оказался на удивление увесистым). — Бросаешь даму в беде и смываешься при первых признаках униформы. Герой.

— Простите, я это... на автомате, — пробормотал Клод, вставая и отряхивая штаны. Он не смотрел ни на меня, ни на Томаса, утыкаясь взглядом в землю. — Старая привычка. Увидел синий плащ — ноги сами понесли.

Я вздохнула, но злиться на него не было сил. В конце концов, несмотря на его «автомат», мы отлично закупились, а стражники... исчезли самым загадочным образом. И всё это в компании самого загадочного «продавца муки» во всём Мархене.

Дела определённо принимали интересный оборот.

Мы только открыли дверь в наше кафе, как сзади раздался скрип колёс и фыркание лошади. Мы обернулись и увидели подъезжающую телегу, гружённую большими, чистыми тюками.

— А вот и мука подспела, — с лёгким торжеством в голосе продекламировал Томас, как будто подгадал к нашему возвращению. — Покажите, куда всё это добро ставить.

— Мррр, чешите за мной, — флегматично бросил Босс и, демонстративно помахивая хвостом, как знаменем, повёл процессию внутрь. — Выгружаемся на кухне, мяу.

Я же просто потеряла дар речи, глядя на эти внушительные тюки. Извозчик, правивший лошадьё, смотрел на нас с немым вопросом и явным напряжением. Но стоило Томасу скрыться в помещении, как плечи возчика обмякли, и он с облегчением вытер лоб.

— Мы посмотрим качество муки, вы не против? — вежливо спросила я, стараясь звучать как серьёзная покупательница.

Он резко побледнел и замотал головой, будто я предложила ему прыгнуть с обрыва.

— Нет-нет, конечно! Смотрите на здоровье!

Клод с подозрением покосился на возчика, ловко вскарабкался в телегу и подал мне руку. Я последовала за ним. Откуда-то из складок одежды он извлёк небольшой, но острый нож и аккуратно надрезал верхний слой мешковины на одном из тюков.

Я ахнула. Мука была идеальной. Не просто хорошей, а той самой, о которой кондитеры могут только мечтать: тончайшего помола, идеального молочно-кремового цвета, без единого намёка на шелуху или мусор.

— Скажете, на глаз муку не определишь? — прошептала я. Я насыпала крошечную горстку на ладонь, растёрла между пальцами, чувствуя шелковистую, воздушную текстуру. Инстинкт взял верх — я лизнула кончик пальца. Чистый, чуть сладковатый вкус качественного зерна, без горечи и затхлости.

Я подняла глаза на Клода. В них читался тот же восторг и то же самое, леденящее душу, понимание.

— У вас... здесь всегда такая мука? — шёпотом спросила я. — Это же высший сорт! Я заказывала обычную!

Клод стиснул челюсти. Он посмотрел на безупречную муку, потом в мои глаза, и наклонился так близко, что его шёпот был похож на шипение:

— Тамара, это не просто высший сорт. Это мука, которую подают к императорскому столу. Тюки новые, чистые. Я заказывал третьесортную, с отрубями, в старых мешках. У нас нет на это денег. Даже близко.

И в этот момент из двери вышел Томас, смахнув с рубашки несуществующую пыль.

— Ну как? Вам нравится? — спросил он с искренней, почти мальчишеской надеждой в голосе.

Я была в растерянности. Как сказать человеку, который только что спас тебя от стражников и помог закупиться, что его щедрость нас разорит?

— Томас... вы привезли изумительную муку, — начала я, чувствуя, как начинаю расстраиваться. — Она превосходного качества. Но... я думаю, здесь какая-то ошибка. Такая мука стоит очень дорого. У нас сейчас... просто нет на неё средств.

Томас замер. Он упёр руки в боки, его лицо отразило целую гамму эмоций: лёгкое недоумение, затем понимание, будто он только что осознал собственную оплошность, и наконец — задумчивость.

— Нет, конечно, — наконец сказал он медленно. — Ради такой прекрасной дамы я бы мог отдать её и бесплатно, но это было бы неправильно с моей стороны. Я же торговец.

Он сделал паузу, его взгляд стал оценивающим, но в глубине глаз теплилась лукавая искорка.

— А что, если мы заключим небольшую... сделку? И мука будет ваша. По приемлемой для вас цене.

— Ты что удумал?! — рявкнул Клод, выпрыгивая из телеги с такой яростью, что возчик аж отпрянул. Он встал перед Томасом, расправив свои неширокие плечи, пытаясь казаться больше. — Что, думаешь, можешь моей сестре всякое предлагать? Не смотри, что я щуплый! Я очень, очень юркий, и у меня в рукаве всегда припасено парочку... неожиданностей!

Томас посмотрел на него сверху вниз, не двигаясь с места. В его взгляде не было ни злобы, ни раздражения — лишь лёгкое, почти профессиональное любопытство, как у хищника, рассматривающего прыгающего перед ним дерзкого грызуна.

— Юркость ценю, — спокойно произнёс он. — Но речь не о том, о чём вы подумали, друг мой. Речь о бартере. Мука — в обмен на ваши будущие пироги. Вернее, на часть из них. Скажем, десять процентов от выручки первой недели и... личное право быть первым дегустатором каждого нового десерта.

Он перевёл взгляд с разъярённого Клода на меня. И в его глазах уже не было ничего хищного. Только тёплый, открытый интерес.

— Что скажете, кондитер Тамара? Согласны на такие условия?

Глава 8

Мы с Клодом переглянулись. Предложение Томаса было заманчивым, но тревожным звонком звонило на всю катушку. Я даже не знала, кто этот человек на самом деле! Хотя, если подумать, имела ли я, занявшая тело мелкой мошенницы, право предъявлять кому-то претензии по части репутации?

— То есть, вы предлагаете... Нам нужно это обсудить с... ой-ой-ой! — Я попыталась выбраться из телеги, но подол платья запутался в скобе. Я потеряла равновесие и полетела вперёд, приготовившись к встрече с землёй.

Падение так и не состоялось. Вместо этого меня подхватили сильные руки, и я оказалась прижата к широкой, твёрдой груди Томаса. Я вдохнула, и мир сузился до его древесного запаха. От него слегка кружилась голова.

— Нам нужно обсудить это с Клодом... и с моим нудным котом, — прошептала я уже как-то блаженно и не очень связно.

Лицо Томаса было безумно близко. Он пристально смотрел на меня, его зрачки расширились, превратив глаза почти в чёрные. Он медленно, очень глубоко вдохнул, словно пытаясь уловить каждую молекулу моего запаха, а потом снова затаил дыхание. В этой реакции было что-то хищное и завораживающее.

— Конечно, — его голос прозвучал немного хрипло. — Давайте так: я оставлю вам один тук муки. Чтобы вы смогли что-нибудь из неё приготовить. Если результат вам и мне понравится, и вы согласитесь на сделку, то остальную муку сразу же доставят. Завтра утром я приду на дегустацию. Как вам такое предложение, Тамара?

Он сделал особый, томный акцент на моём имени, не отводя взгляда. И мне показалось, что он прижал меня ещё чуть сильнее, будто на мгновение ему захотелось просто взять меня и унести с собой, завернув в этот дивный, сводящий с ума аромат.

— Хорошо, господин Томас. А теперь отпустите мою сестру, — прошипел Клод, успевший спрыгнуть с телеги и теперь пытавшийся оттянуть меня за руку к себе.

— Ах, батюшки-кошечки, что здесь творится? — раздался мурлыкающий голос с порога. Босс вышел во двор и замер, оценивая картину: за одну руку меня тянет взъерошенный Клод, с другой — я прижата к Томасу, который выглядел так, будто забыл, что такое личное пространство и как дышать.

Меня, впрочем, всё устраивало. Я была слишком опьянена запахом.

— Томас, а что это вы за одеколон такой используете? — спросила я, закатывая глаза от наслаждения. — Уж больно он... сногшибательный.

— Одеколон? — Томас оторвался от своего созерцания и выглядел искренне оскорблённым. — Я не девица, чтобы пшикаться какими-то духами!

Я замерла, медленно рассматривая его серьёзное лицо.

— Это... ваш естественный запах? — прошептала я, и мир вокруг окончательно поплыл.
— Ой, мамочки...

Босс фыркнул, разрывая натянутую паузу.

— Поздравляю. Кажется, вы нашли не только поставщика муки, но и живой, дышащий ароматический диффузор. Теперь, может, отпустите нашу хозяйку, господин «естественный запах»? А то она сейчас в обморок вывалится.

Томас медленно, почти нехотя, разжал руки. Я отшатнулась, чувствуя, как холодный воздух ударил в лицо после его тепла. Клод тут же заслонил меня собой, правда, это было больше похоже на попытку щенка заслонить собой слона.

— Завтра утром, — ещё раз повторил Томас, и в его глазах снова вспыхнула опасная, тёплая искра. — Я обязательно приеду.

И с этими словами он развернулся и направился помогать изумлённому возчику сгружать один-единственный, но безупречный тук муки прямо на наш порог.

Я стояла, всё ещё чувствуя на своей коже жар от его прикосновений, а в ноздрах — тот самый, «естественный» запах. Босс подошёл и ткнул меня холодным носом в лодыжку.

— Мяу-комментарий: если он так реагирует на твой запах, а ты — на его, то ваша «сделка» по муке — это самое невинное, что может здесь произойти. Я уже считаю потенциальный ущерб для мебели и посуды. А также увеличение расходов на еду, если он решит, что десять драконят — это только начало.

Я ничего не ответила. Просто смотрела, как уезжает телега, и думала, что завтра утром мне нужно испечь что-то поистине божественное. Или, на худой конец, просто не упасть в обморок, когда он снова окажется рядом.

Клод быстренько, с рычанием «Я и сам могу, не то что какие-то там ходячие томаты!», утащил тук муки на кухню, демонстративно пыхтя.

— Я всё равно не понимаю, при чём тут драконята, — проговорила я вслух, глядя, как повозка скрывается за поворотом. У меня в голове никак не складывалась картинка: красивый, хоть и странный, продавец и... детёныши мифических рептилий.

— Зайдём внутрь. Я тебе кое-что расскажу, заодно спросим у Клода про лицензию, — промурлыкал Босс, бросая настороженный взгляд на улицу.

Мы прошли на кухню. Мой взгляд сразу же зацепился за наши покупки, аккуратно сложенные в углу. Руки буквально зачесались — так мне хотелось всё это разобрать, пощупать, начать творить. На кончиках пальцев снова пробежали те самые странные, едва заметные искорки. «Галлюцинации от стресса», — упрямо подумала я, отводя взгляд.

— Ну, что по лицензии? — спросила я, пытаясь сосредоточиться на деле.

— В-вот, держите, — запыхавшись, сказал Клод, с гордостью протягивая мятую бумагу с печатю. — Всё достал. Но, ребятки, я тут кое-что ещё узнал.

Мы с Боссом синхронно наклонили головы.

— После моего побега «на автомате» от синих плащей, мне удалось кое-кого расспросить. Так вот, ходят слухи, что бывший владелец этого здания, которого я обыграл, пожаловался напрямую дракону-следователю, в обход всех протоколов. Я не знаю, что тот решил, но... я наконец вспомнил, где видел нашего Томаса!

— Клод, ты говоришь так, словно разгадываешь детектив, — нетерпеливо перебила я. — Я ничего не понимаю. Давай побыстрее, мне уже невмоготу, хочется начать готовить!

— Хорошо, хорошо! Но тебя не смущает, что наш новый «знакомый» привёз муку, которую подают к императорскому столу? Что он обалденно пахнет? Что он красавец и сложен, как герой баллады? И что цены вам явно сбивали, стоило ему только появиться? — сказал Клод, показывая рукой на огромное количество покупок.

Я замерла.

— Мне кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, — мрачно промурлыкал Босс, перепрыгивая на стул рядом со мной. — Я как раз хотел озвучить свои подозрения тоже.

— Да не мудрите вы! — вспыхнула я, топая ногой. — Скажите прямо, что вы думаете! Что вы как девицы на посиделках?

Клод глубоко вздохнул и выпалил одним духом:

— Томас — это тот самый дракон-следователь, от которого ты улепётывала. Тот, что хотел тебя поджарить и выведать про диадему. Я его видел в участке, когда меня как — то поймали.

Босс на стуле важно кивнул своей пушистой мордой, подтверждая слова.

Наступила тишина. Потом я фыркнула.

— Очень смешно. А драконы у вас тут, говоришь, в людей умеют превращаться? Здорово вы меня разыгрываете, ага.

— Из какого же диковинного, маломагического мира тебя занесло, душенька? — с театральным вздохом спросил Босс, качая головой.

И в этот момент пришло понимание. Я не хотела верить, но пазл складывался с жестокой, неумолимой логикой. Знакомые глаза. Рёв над крышами. «Истинная конфетка». Его реакция на мой запах. Моя реакция на его. «Восемь... нет, десять драконят»...

Я нащупала стул позади себя и медленно опустилась на него, будто у меня подкосились ноги.

— То есть... он так на меня смотрел и не дышал, потому что я его... «истинная»? — прошептала я. — И меня от него вело, потому что... мне тоже нравился его запах?

— Динг-динг-динг! Похоже, проснулась, — саркастично заметил Босс.

— А про драконят он сказал, потому что... — голос Клода дрогнул, — ну, истинные пары у драконов... они обычно... расширяют семейство. Основательно.

— Я не готова к драконятам! — выкрикнула я, и в голосе прозвучала чистейшая истерика. — Тем более к восьми! Я их даже представить не могу!

— К десяти, — хором и безжалостно поправили меня Клод и Босс.

— ДА КАКАЯ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, РАЗНИЦА! — я схватилась за голову. — Я не готова! И что теперь делать?!

Все трое погрузились в тягостное молчание. Потом Босс нарушил его своим бархатным баритоном:

— Интригующий вопрос. Почему он не выдал себя? Почему не арестовал нас на месте, не унёс тебя в свою пещеру? Это либо очень хитрая тактика, либо... что-то сломалось в его драконьих планах, когда он тебя учуял. Я предлагаю сыграть в его игру. Пока он делает вид, что он «Томас, продавец муки», будем делать вид, что мы в это верим.

Клод стоял, потирая затылок, его лицо выражало крайнюю степень озадаченности.

— А если он просто ждёт, пока мы расслабимся? Чтобы потом нагрянуть со всей стражей?

Я сидела, сжимая виски, пытаюсь осмыслить этот безумный поворот. Мой главный враг, воплощение закона и угрозы, только что принёс мне лучшую в мире муку, пах лучше любого парфюма и говорил о совместном потомстве. И завтра утром он придёт на дегустацию.

— Что ж, — наконец выдохнула я, поднимая глаза на своих соратников. — Значит, завтра я должна испечь такие пирожные, чтобы от них у дракона-следователя не только чешуя заискрилась, но и все мысли об аресте испарились. Или, по крайней мере, отложились. План есть?

Босс усмехнулся, а в его глазах блеснул азарт.

— План, дорогая, прост. Ты — готовишь. Мы — обеспечиваем прикрытие и следим, чтобы он не съел сначала тебя, а уже потом десерт. А там... посмотрим, чья игра окажется хитрее.

Я кивнула. Страх никуда не делся, но его начало теснить другое чувство — азарт и жгучее любопытство. Завтрашняя дегустация обещала быть гораздо интереснее, чем я могла предположить.

Глава 9

Вечер опустился на город, наведя на город легкую прохладу. Суета дня осталась позади, а впереди было тихое, интимное пространство кухни — моё святилище в этом безумном мире.

После шокирующего откровения о Томасе мне отчаянно нужно было успокоиться. И лучшим лекарством всегда была работа.

— Ребята, будете ужинать? — бросила я в пространство, уже развязывая сумки с овощами.

Клод, что-то бурча про необходимость «усилить замки», уполз в подсобку, а Босс, свернувшись калачиком на тёплом подоконнике, благосклонно кивнул: «Если в меню нет драконятины — я не против».

Я улыбнулась и начала.

Сначала было как всегда: помыла руки, оценила продукты. Но стоило мне взять в руки первый кабачок, как нечто щёлкнуло в самых кончиках пальцев. Лёгкое, едва уловимое покалывание, будто я дотронулась до чего-то живого и полного энергии.

Я отбросила сомнения и погрузилась в процесс. И тут началось волшебство.

Это было не похоже на обычную готовку. Это был танец, в котором продукты были моими партнёрами.

Я протянула руку к луковице, и она будто сама подкатилась к моей ладони. Нож в моих пальцах задвигался с такой лёгкостью и скоростью, что я сама удивилась: тонкие, полупрозрачные колечки падали в миску идеальным веером. Я не резала — я почти что дирижировала.

Потом пришла очередь моркови. И снова — этот странный, чудесный резонанс. Мои пальцы, двигаясь, начали светиться. Сначала едва заметно, мягким золотистым сиянием, будто под кожей зажглись крошечные огоньки. Свечение пульсировало в такт моим движениям, и с каждым взмахом ножа работа шла быстрее. Я натирала сыр, и терка гудела под моими руками, извергая пушистые облака стружки, которые пахли вдесятеро интенсивнее.

Я замерла, подняв ладони. Они действительно мерцали. Тёплый, медовый свет струился от кончиков пальцев, окутывая кисти невесомым сиянием. И у меня было ощущение, что это невероятно правильно.

— Босс, — прошептала я. — Ты видишь?

Кот медленно открыл один глаз.

— Вижу, — промурлыкал он без тени удивления. — Продолжай. Интересно, на что ещё способен твой вновь обретённый дар.

Дар. Так вот что это было. Не стресс, не галлюцинации. Магия Мирабеллы. Моя магия.

Окрылённая открытием, я продолжила. Я разбила яйца в миску, и желтки упали, как маленькие солнца, ярче и насыщеннее, чем должно быть. Взбивала я их венчиком, и свет с моих рук перетекал в еду, окрашивая его в нежный персиковый оттенок. Воздух наполнился ароматами, такими плотными и соблазнительными, что у меня закружилась голова. Запах чеснока и зелени стал острее, томаты пахли как будто их только что сорвали с грядки под южным солнцем.

Кухня ожила. Каждая искорка, слетавшая с моих пальцев, словно питала пространство вокруг. Пылинки в лучах света танцевали в такт моим движениям. Даже старое, поскрипывающее полено в печи затрещало веселее, когда я поставила на огонь сковороду.

Когда я наконец выложила готовое рагу в миски, оно выглядело и пахло как шедевр. Цвета были невероятно сочными, соус переливался бархатным блеском. Я зачерпнула ложку, поднесла ко рту и закрыла глаза.

Вкус... Это был не просто вкус. Это была симфония. Я чувствовала не только сочетание ингредиентов, но и их историю: тёплую землю, в которой росли овощи, солнце, которое их согревало, даже лёгкую, едва уловимую ноту дождя, промывшего листья. И сквозь всё это — что-то ещё. Лёгкая, сладковатая нота... радости. Моей радости от самого процесса.

— Ужин подан, — тихо сказала я.

Клод, привлечённый ароматами, появился в дверях с глазами, круглыми от изумления. Босс спрыгнул со своего места и грациозно подошёл к своей миске.

Мы ели молча. Клод лишь один раз ахнул: «Сестрёнка, я такого... никогда...». Босс мурлыкал так громко, что звук отзывался в пустом зале.

Я смотрела на свои руки. Свет уже угас, оставив лишь приятное, тёплое покалывание, как после хорошо выполненной работы.

Так вот какая я теперь, Тамара Мирабель. Кондитер-попаданец. И, кажется, волшебница-кулинар, чьи пирожные могут быть не просто сладкими, а даже зачарованными.

Мысль о завтрашней дегустации с Томасом уже не казалась такой ужасающей. Наоборот, в груди затеплился азартный, дерзкий огонёк.

«Хочешь попробовать моей стряпни, дракон? — подумала я, глядя на мерцающие угли в печи. — Попробуешь. И узнаешь, что значит быть испечённым настоящей магией».

Между тем тишину на кухне нарушал лишь довольный звук ложек о глиняные миски и громкое, блаженное мурлыканье Босса, уткнувшегося мордой в свою порцию. Рагу удалось на славу. Даже я сама ела, почти не веря, что это моих рук дело. Магия, струившаяся с кончиков пальцев, будто вплелась в каждый кусочек, делая вкус глубже, а сытость — какой-то уютной и всеобъемлющей.

Клод, доев последнюю ложку, с обожанием посмотрел на пустую миску.

— Сестрёнка, если бы я знал, что ты так умеешь, мы бы давно открыли харчевню, а не маялись с этими авантюрами. Ни один шеф в районе Утёса так не готовит, кланусь.

— Это не я, — честно сказала я, вертя в руках свою ложку. — Вернее, не только я. Это что-то... от Мирабеллы. Руки сами светились, всё будто само делалось.

— Ведьмина кровь даёт о себе знать, — философски заметил Босс, вылизывая усы. — Но магия вкуса... Это редкий дар. Прямо скажу, выгоднее, чем маскировка или карманные порталы.

При упоминании магии и авантур в воздухе повис невысказанный вопрос. Тот самый, что тяготил нас всех с самого начала.

— Ребята, — осторожно начала я, отодвигая миску. — Про ту самую Диадему... Мы так и не поняли. Мирабелла ведь пошла на дело, чтобы её забрать или подменить, да? А потом я здесь очнулась. Что случилось там, в ту ночь? Где сейчас эта реликвия?

Клод помрачнел, его виноватое выражение вернулось.

— Я не знаю. Ты ушла, а потом был только рёв дракона и твоё бегство. Значит, что-то пошло не так. Может, тебя спугнули на месте? Может, Диадемы уже и не было там?

Я задумалась, пытаюсь выудить из глубин чужой памяти хоть что-то. Всплывали только обрывочные, яркие картинки: страх, бег, ослепительный столп огня... И ещё кое-что.

— Стоп, — сказала я вдруг. — Когда я только очнулась... ещё до того, как побежала от дракона... Я помню, смотрела на свои руки. Они были в грязи, но... они блестели. Будто усыпаны мельчайшими бриллиантами. Такими крошечными искорками. Я тогда подумала, что это просто капли дождя или грязь так странно светится.

Наступила мёртвая тишина. Даже Босс перестал вылизываться.

Клод и кот переглянулись с таким выражением, будто я только что сложила для них величайшую головоломку.

— Бриллиантовые искры... — медленно проговорил Клод, его глаза стали круглыми. — Багровые звёзды... Точно!

— Объясняйте! — потребовала я, чувствуя, как учащается пульс.

— Это не просто блеск, Тамара, — вступил Босс, его голос приобрёл лекторские, аналитические нотки. — Это побочный эффект Императорской Диадемы Жизни. Она не просто драгоценность. Она — мощный артефакт, накопленная жизненная сила поколений. И те, кто находится в непосредственной близости от неё, тем более — касается её... их аура на время «заряжается». Проявляется это именно так — мерцанием, похожим на россыпь микроскопических алмазов на коже. Эффект проходит через несколько часов.

Я застыла, осмысливая.

— Значит... если у меня светились руки, когда я пришла в себя...

— Значит, ты трогала Диадему той ночью, — закончил за меня Клод, и в его голосе прозвучала смесь изумления и тревоги. — Ты была с ней в контакте. Возможно, даже успела её забрать.

Новое, леденящее душу понимание медленно накрывало меня.

— Но тогда... где она сейчас? — прошептала я, оглядываясь вокруг, будто ожидая увидеть сверкающий венец в углу кухни. — Её не было на мне, когда я осматривалась. Ни в карманах, ни в складках платья... Я была пуста.

Босс прищурился.

— Логично предположить три варианта. Первый: ты её спрятала где-то по пути, перед тем как тебя настиг дракон. Второй: её у тебя отняли те, кто подставил нас, и мы имеем дело с двойной игрой. Третий, самый интригующий...

Он сделал паузу для драматизма.

— Диадема — артефакт жизни. А ты, если верить драконьим инстинктам, — его «Истинная Половина», носитель редкой магии вкуса, которая, по сути, тоже магия ощущений и жизненной силы. Что, если в момент... скажем так, «перехода»... Диадема не была потеряна? Что, если она каким-то образом взаимодействовала с твоим прибытием и магией Мирабеллы?

Я смотрела на свои теперь уже обычные, не светящиеся ладони. В них лишь слабо пульсировала приятная усталость после готовки.

— То есть вы предполагаете, что она... во мне?

— Не обязательно физически, — покачал головой Клод. — Но её след, её «отпечаток»... Возможно. Иначе как объяснить, что твоя магия проснулась так ярко и сразу? И почему дракон Томас, который ищет Диадему, чувствует в тебе не только преступницу или свою пару, но и... что-то ещё?

В кухне стало очень тихо. За окном окончательно стемнело. Мы сидели втроём, перед нами — пустые миски от чудесного ужина, а над нами — новая, ещё более запутанная и опасная загадка.

— Значит, — медленно проговорила я, — завтра ко мне придёт не просто навязчивый поклонник или следователь. Придёт охотник за артефактом, который, возможно, ищет... часть меня самой. Или ключ к тому, где его искать.

Босс многозначительно хмыкнул.

— Поздравляю. Ты только что повысила ставки в нашей игре до немыслимого уровня. Совет на завтра: пеки не просто вкусно. Пеки запоминающе. Ему должно быть интереснее разгадывать твои пирожные, чем твои секреты. По крайней мере, первое время.

Я кивнула. Страх сменился холодной, ясной решимостью. Завтрашняя дегустация только что превратилась из неловкого свидания в самый важный кулинарный и стратегический поединок в моей жизни. И проиграть в нём было никак нельзя.

Глава 10

Вечер я посвятила подготовке. Разложила на столе продукты, которые могла использовать завтра. Клод, к моему удивлению, принёс откуда-то несколько любопытных устройств: один, похожий на пластинку из льда, отдавал холодком (артефакт заморозки, как он объяснил), а другой — плоский, с нарисованным пламенем внутри рубинового стекла — служил для мгновенного розжига и поддержания жара в печи. Это была странная смесь магии и бытовой техники, и я ловила себя на мысли, что начинаю воспринимать её как нечто само собой разумеющееся.

Я решила встать ни свет ни заря и приготовить эклеры. Почему именно их? В душе будто зажёгся крошечный, настойчивый огонёк, который беззвучно твердил: Эклеры. Эклеры со сливочным кремом. Я мысленно прокрутила рецепт: заварное тесто из муки, яиц, воды и масла, выпечка при высоких температурах... Как я пойму, сколько тут «двести градусов»? Но едва я задалась вопросом, внутри снова что-то отозвалось — лёгкое, тёплое покалывание, будто сама моя сущность подсказывала: «Сделай так. И вот так». Я заметила, что когда я глубоко погружаюсь в мысли о готовке, кожа на моих руках начинает мягко светиться тем самым золотистым сиянием. Удивительная магия Мирабеллы становилась моим самым верным инструментом.

Проверив мысленно список ингредиентов, я с облегчением поняла, что всё необходимое у нас есть. Настроение было решительным, почти боевым.

Клод оказался настоящим мастером по обустройству быта: он каким-то чудом раздобыл для меня не просто тюфяк, а вполне сносную кровать с относительно чистым постельным бельём. Ещё большим сюрпризом стала небольшая комнатка рядом с моей комнатой прямо перед началом ступенек лестницы. Там оказалось подобие ванной! Стояли непонятные устройства из полированного камня и меди. Клод сказал, что не очень в них разбирается, но, покопавшись, смог запустить: принёс несколько ведер воды, залил в один бак, нажал на рунические кнопки, и через мгновение из трубы полилась тёплая (почти горячая!) вода. Вечером я смогла как следует помыться, что смыло не только грязь, но и часть дневного напряжения.

Я не стала допытываться, где мои новые друзья справляют свои естественные нужды и моются — они выглядели опрятно, а Клод упомянул, что в здании есть отдельный вход в подсобные помещения, где они и обустроились. Мне же оставили самую светлую комнату, за что я была безмерно благодарна.

Лёжа в темноте перед сном, я чувствовала смятение. Одна часть меня, рациональная и тоскующая, твердила: «Ты в чужом теле. Это не твоя жизнь. Нужно искать путь домой». Но другая, та, что отозвалась на запах Томаса и засветилась при виде муки, тихо, но настойчиво шептала: «А что, если это и есть твой шанс? Второй. Чистый. Здесь ты — не обманутая жена, а талантливая волшебница с целым миром возможностей. Используй его».

С этими противоречивыми, но уже не такими пугающими мыслями я и провалилась в глубокий, целостный сон, готовясь к утру, которое должно было всё изменить.

Ну а уже утром я проснулась от странного звука — будто петух, но не кукарекал, а пытался пропеть арию с похмелья. «Надо спросить у Клода, что это за пернатый кастрат тут

орет», — подумала я, потягиваясь. Тело, к удивлению, чувствовало себя отдохнувшим и полным сил. Пора.

Я быстро умылась и надела очередной «подарок» от Клода. Спрашивать происхождение снова не стала — платье было чистым и пахло свежестью, а не духами прошлой хозяйки. Оно было более скромным: плечи прикрыты, корсет не душил, а лишь подчёркивал талию, цвет — уже не кричащий алый как у прошлого платья, а нежный оттенок граната, который странно гармонировал с моими розовыми прядями. Почти элегантно.

На кухне царила тишина — ребята ещё спали. «Прекрасно», — подумала я, активируя артефакты. Помыла руки душистым мылом, взяла чистую посуду и погрузилась в творение. Перед этим открыла все ставни, потому что в кухне уже было душно. Представила себя в пышной юбке вчерашнего платья и содрогнулась. «Нужна поварская форма. Выпрошу у Клода какие-нибудь штаны».

И началось волшебство. Я достала охлаждённые у артефакта яйца и масло, насыпала горку безупречной муки, взяла кипяток, и понеслось. Тесто замешивалось под моими руками с такой лёгкостью, будто было живым и послушным. Воздух вокруг снова заискрился золотистым сиянием, исходящим от моих ладоней. В душе что-то зазвенело, и я, сама того не замечая, начала напевать какую-то залихватскую попсовую песню из своего мира, из далёкой молодости.

Полоски заварного теста из самодельного кондитерского мешка ложились на противень ровными рядами. Пока эклеры румянились в печи, я взбивала сливочный крем — воздушный, бархатный, пахнувший ванилью, которой, к счастью, удалось раздобыть щепотку. Параллельно варила глазурь (шоколад, увы, был непозволительной роскошью). Всё спорилось, всё сияло, ароматы переплетались в головокружительную симфонию. Я порхала между столами, забыв о драконах, диадемах и подмене душ.

Иногда краем глаза замечала, что в окно кто-то заглядывает, но была слишком увлечена. И вот — два подноса идеальных, золотистых эклеров, остывающих у охлаждающего артефакта, который, казалось, послушно подстраивал температуру под моё желание. Я аккуратно начинила их кремом и покрыла блестящей глазурью.

Закончив, я с чувством выполненного долга развела руки, будто дирижёр после финального аккорда, мысленно поклонилась невидимой публике... и услышала аплодисменты.

Я резко открыла глаза.

В каждое открытое окно кухни были втиснуты лица. Десятки глаз, любопытных, восторженных и голодных, смотрели на меня. Люди толпились снаружи, на узкой улочке, и хлопали.

— Девушка! Девушка, а вы когда уже откроетесь?!

— Это сегодня продавать будете? Я все готов купить!

— А что это? Пахнет — словно в раю! Что ещё будете готовить?

Гомон нарастал. Я стояла, обливаясь холодным потом, с двумя подносами эклеров, совершенно не готовой к штурму голодной публики через оконные проёмы. Паника начала сжимать горло.

И в этот момент раздался голос. Низкий, спокойный, разрезающий суматоху, как горячий нож — масло.

— Кажется, — произнёс Томас, появившись в дверном проёме, ведущем из зала в кухню, — вы произвели фурор, милая Тамара. И, судя по всему, ваша «Сладкая Наглость» открылась несколько раньше запланированного. Не желаете начать с одного, особо нетерпеливого дегустатора?

Он стоял, опираясь о косяк, и смотрел на меня. В его взгляде не было ни злости стражника, ни одержимости дракона. Только тёплое, живое восхищение и тот самый, едва уловимый огонёк интереса, от которого у меня перехватило дыхание.

Он действовал властно и стремительно. Подошёл и лёгким движением руки провёл по артефакту охлаждения. Воздух в комнате послушно стал свежим и прохладным, будто с моря пахнуло. Затем так же методично начал закрывать окна. Люди за стеклом, встретившись с его взглядом, мгновенно рассеялись, будто их и не было.

Завершив «зачистку периметра», он медленно, как ледокол, двинулся ко мне. Его взгляд был хищным, изучающим, но в глубине золотисто-коричневых глаз горела та самая тёплая, опасная искра. Он был чертовски красив в утреннем свете — высокий, широкоплечий, и от этого я невольно сделала шаг назад.

Увидев это, он сначала замер, а потом резко, почти молниеносно, оказался рядом. Его рука легла мне на спину, мягко, но неотвратимо притягивая вперёд.

— Будь аккуратна, Тамара, — прошептал он прямо у уха, голос низкий, как отдалённый гром. — Сзади печка. Можешь обжечься.

— А? — я оглянулась и ахнула: я действительно пятилась прямо на раскалённую плиту. — Ой, спасибо, Томас.

— Позволишь? — не дожидаясь ответа, он уже взял один эклер, но другую руку не убирал с моей спины, будто опасаясь, что я снова куда-нибудь денусь. Я застыла в этом странном полуобъятии, в каком-то сладком наваждении от его близости и запаха.

Он поднёс эклер ко рту и откусил.

И... замер. Совсем. Глаза закрылись, веки задрожали. Он не жевал, не глотал — просто стоял, словно в него ударила молния.

«Что-то не так? — паника кольнула меня. — Я что-то перепутала? Магия дала осечку?» Я схватила второй эклер и сама откусила кусочек.

И... Мир перевернулся.

Я очнулась от того, что всё моё тело сотрясала странная, приятно-мучительная судорога. Глубокий, низкий стон вырвался у меня из груди. Перед моим лицом было другое лицо — Томаса. Его глаза были зажмурены, лоб покрыт испариной, а из горла вырывался непрерывный, хриплый, почти что рык.

Мы оба лежали... в моей комнате. На моей кровати. В странном, неуместно интимном переплетении конечностей. Воздух был густым и пах... эклерами, его кожей и чем-то ещё, от чего щёки мгновенно залились огнём.

Его рык оборвался. Он открыл глаза. Его взгляд, мутный от только что пережитого, медленно прояснился. Он увидел меня. Увидел, где мы. Увидел, в каком виде.

В его глазах промелькнула целая буря: шок, дикое недоумение, проблеск чисто драконьего удовлетворения и... всепоглощающий, леденящий ужас.

— О, — тихо сказал он. И это было не слово, а звук полной катастрофы.

Моё собственное сознание, наконец пробившись сквозь туман наслаждения и замешательства, выдало чёткую, ясную, оглушительную картинку. Провал во времени. Перенесение из кухни сюда. Эта... эта судорога. Его рык. Наша... близость. Всё сложилось в один очевидный, ужасающий и до смешного нелепый пазл.

До меня дошло. До меня дошло, что только что произошло.

Мой взгляд метнулся к его лицу, потом к окну, за которым ярко светило утро, потом обратно к нему. Во рту до сих пор стоял сладкий привкус эклера.

— Десять, — хрипло, с видом человека, подписывающего себе смертный приговор, пробормотал он, глядя в потолок. — Они все будут с твоими глазами, чёрт побери..

Глава 11

Клод и Босс зашли на кухню, ведомые божественным ароматом. Воздух был густым и сладким, будто его взбили в сливочный крем.

— Ох, всевышние боги... Я сейчас язык проглочу, — прошептал Клод, заворожённо глядя на два противня с идеальными эклерами. — Это вот эти штуки так пахнут?

— Ах, надо же. Прежняя Мирабелла такого не умела, — запрыгнул на стул Босс, принимаясь. — Это однозначно магия Тамары, та, что она принесла с собой. Но как это физически возможно?

Они переглянулись с растущим хищным любопытством. Взгляды синхронно скользнули по пустой кухне.

— Попробуем? — заговорщицки прошептал Клод, уже подтягивая поднос к себе.

— Ещё спрашиваешь. Давай. По одной.

Дальше сговора не потребовалось. Они ринулись к эклерам. Клод, конечно, успел первым, запихав целый эклер в рот. Он замер, глаза закатились от блаженства, и он начал медленно жевать.

Босс действовал изящнее, но не менее решительно. Откусив кусочек, он начал громко, бесперебойно мурлыкать, чего с ним раньше не случалось.

А потом... началось.

Клод вдруг принялся вальсировать один по кухне, напевая какую-то бессвязную, но радостную песню. Потом остановился и с искренним, распахнутым удивлением произнёс:

— Ты знаешь, Босс, этот мир прекрасен. Я ведь всегда хотел шить одежду. Признаться честно, нам платья отдавали из дома терпимости, потому что я помогал тем дамам шить их. У меня это выходит безумно хорошо! Моя настоящая мечта — открыть своё ателье... Ой, зачем я тебе это говорю?

— Между прочим, очень достойная мечта, — отозвался Босс, и его голос звучал непривычно душевно. — А я всегда мечтал служить в Императорском казначействе. Считать денюжки, приводить в порядок финансы... Это мой дар! И сейчас у меня в голове такие идеи по оптимизации нашего бюджета, что...

Они резко замолчали и уставились друг на друга.

— Ты тоже это чувствуешь? — быстро спросил Клод, тыкая пальцем в сторону Босса. — После эклера? Будто... на душе светло и хочется творить добро?

— Да! — кивнул кот, у которого шерсть на загривке взъерошилась от волнения. — Будто кто-то родной обнял и сказал, что всё получится. Клод, я думаю, Тамара... она вместе с едой передаёт частичку чего-то. Своей душевной теплоты, что ли. Это магия не просто вкуса, это магия... благополучия.

И только тогда они заметили посторонние звуки, заглушённые их собственным восторженными голосами. Сверху доносились шаги, грохот, приглушённые голоса.

— Тамара, подожди, пожалуйста, я сейчас... я принесу воды! — доносился явно мужской, растерянный и испуганный голос.

— Всё хорошо! Не надо! Ты не мог бы просто... уйти? — это был голос Тамары, звучащий раздражённо и смущённо.

Потом раздался новый грохот, будто кто-то прорвался в маленькую ванную комнату.

— Да пожалуйста, Томас, просто уйди! Мне надо побыть одной и... одеться!

— Одеться?! — хором ахнули Клод и Босс, застыв с полными ртами. Пока они это все слушали, то не переставали доедать эклеры.

Потом сверху опять донеслось:

— Тамара, я клянусь, не знаю, как это произошло! Я джентльмен! Я никогда бы не... не напал и не склонил невинную... то есть, я хочу сказать, я думал, что с твоими платьями ты в этом не новичок...

— Я сказала — ПРОЧЬ ИЗ МОЕЙ КОМНАТЫ!

Оглушительный грохот захлопнутой двери, от которого с потолка кухни посыпалась пыль и пара крошек штукатурки прямо на поднос с эклерами.

— Надо будет всё-таки потолок подлатать, — философски заметил Босс, отряхивая лапу.

И в этот момент с шумом по лестнице спустился Томас. Он был босиком, с растрёпанными волосами и... по пояс голый, если не считать наспех натянутых коричневых штанов. Его широкую грудную клетку украшали несколько свежих, изящных царапин.

Он замер посреди кухни, увидев двоих зрителей с полными ртами и округлившимися глазами. В воздухе повисла тягостная, невероятно неловкая тишина, нарушаемая лишь довольным мурлыканьем Босса, который уже доедал свой эклер.

Томас посмотрел на ребят, затем медленно перевёл взгляд на почти пустой противень и обратно — на их рты, застывшие в процессе жевания. В воздухе повисло тяжёлое молчание.

— Ребят... вы бы поаккуратнее налегали на эту... вкусняшку, — глухо проговорил он, голос звучал непривычно сдавленно.

— А ты пробовал? — Босс сузил глаза, оценивая его вид (растрёпанные волосы, царапины на груди, одни штаны). — Ну, и как тебе?

Томас в ответ тоже сузил глаза, потом прикрыл их на секунду, будто пытаясь стереть воспоминание. А затем... Клод и Босс ахнули. Томас, лорд-дракон, главный следователь империи, покраснел. Он уставился в пол, а по его загорелым щекам пополз стыдливый румянец.

В этот момент в голове у Клода что-то щёлкнуло. Он выпучил глаза, его рот широко открылся, и из него полился поток самых отборных, грязных и некрасивых ругательств, какие только знали улицы Мархена. Он тряс пальцем в сторону Томаса, в сторону потолка, снова в сторону Томаса, ясно давая понять, что догадался, что именно происходило наверху.

Когда первый шквал гнева схлынул, до Клода дошло остальное. Он только что обложил матом... дракона. Цвет с его лица стремительно сбегал, губы слились по тону с бледной кожей. Его начало мелко трясти, но уже не от ярости, а от леденящего страха.

Босс всё это время не двигался. Он просто сидел, переваривая информацию. Единственным признаком его состояния были едва вздыбившиеся малиновые полоски на чёрной шерсти.

Томас же всё это время стоял и слушал, не поднимая взгляда с пола. Когда Клод замолчал, задыхаясь от ужаса, Томас наконец заговорил. Тихо, но каждое слово било, как молот.

— Всё, что произошло, — произнёс он чётко, — случилось с согласия. Магического, помутняющего рассудок, необъяснимого, но согласия. И я не собираюсь оправдываться за то, что было у меня наверху со своей Истинной. А почему-то мне кажется, — он медленно поднял взгляд, и в его глазах горела уже не растерянность, а холодная, опасная уверенность, — что вы двое прекрасно понимаете, кто я. И что она — моя истинная конфетка.

Клод и Босс сначала инстинктивно прижались друг к другу, а потом Босс запрыгнул на руки к Клоду. Оба смотрели на Томаса с одинаковым выражением испуганного кролика перед удавом.

— Но так... нельзя, — попытался протестовать Клод, силясь сохранить хотя бы видимость достоинства. — Вы же... сам закон.

— Да, — согласился Томас, и его плечи слегка обмякли. Внезапно из него ушла вся грозная властность, осталась лишь искренняя, мужская растерянность. — И да, всё правильно. Я сам не очень понимаю, как это вышло. Я всего лишь откусил эклер. И Тamarочка... тоже его попробовала. А потом... — он развёл руками, жестом, включающим в себя и лестницу, и спальню, и всё последующее. — Провал. А потом я уже слушал, как меня выгоняют из комнаты, а вы... ругаете меня тут последними словами.

Он взглянул на них, и в его взгляде теперь читалось нечто новое: не злоба следователя к сообщникам, а смущённое замешательство одного участника абсурдной ситуации перед двумя другими.

— Так что, — закончил он, голос снова стал тише. — Думаю, теперь мы все в одной лодке. Точнее, на одной очень горячей, очень неловкой кухне.

— Так, Томас, — тихо, но чётко промурлыкал Босс, не отрывая глаз от него. — Объясните. Вы действительно ничего не помните после того, как съели эклер?

Томас резко выпрямился, будто по команде. Потом на его губах появилась странная, почти блаженная улыбка.

— Помню. Всё помню. Просто... — Он замолчал, и его лицо преобразилось. Взгляд стал отсутствующим, будто он снова переживал те мгновения. — Мне казалось... что я наконец дотянулся до своей мечты. Она была рядом. Моя любовь. Моя Истинная. И я должен был её взять, удержать, быть с ней одним целым... Я её обнимал. И было так тепло и радостно внутри, будто кто-то вылил в меня целое солнце. И я понял, что должен отдать это тепло обратно. А она была рядом... Тамара... и мы поцеловались, и... Ай!

Он вздрогнул, прервав свой сбивчивый рассказ, и посмотрел на свою руку. На коже, чуть ниже локтя, из ниоткуда проступали линии. Сначала бледные, как тень, потом всё ярче — сложный, изящный узор, переплетение драконьей чешуи и... розовых, похожих на сахарную глазурь, лепестков? В центре сияла крошечная, стилизованная корона.

— Ух ты, — протянул Босс, вытягивая шею, чтобы рассмотреть. — А вы что, ещё и супружескую клятву друг другу успели дать? В пылу... э-э-э... вдохновения?

Томас заворожённо смотрел на свою руку, трогал узор пальцами. Татуировка была тёплой на ощупь.

И в этот момент сверху, из спальни, донёлся голос Тамары, полный чистого, невинного недоумения:

— Клод! У меня тут какая-то... татуировка на руке вырисовалась! Что это такое? Красиво, но... откуда?

На кухне воцарилась гробовая тишина. Клод перевёл взгляд с драконьей татуировки на руке Томаса вверх, откуда раздался голос, и снова на Томаса. Лицо его выражало самый настоящий, первобытный ужас. Он прошептал так тихо, что слова едва долетели до Босса:

— И... и как нам теперь ей объяснить, что она только что... вышла замуж за дракона?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.